

**Курортное пространство в художественной литературе XIX века.
На примере повестей «Княжна Мери» М.Ю. Лермонтова и
«Мимочка на водах» Л.И. Веселитской.**

Виктория Коробченко
Университет г. Тампере
Институт современных языков, переводоведения и
литературоведения
Русский язык и культура
Дипломная работа
Май 2014

Tampereen yliopisto

Venäjän kieli ja kulttuuri

Kieli-, käännös- ja kirjallisuustieteiden yksikkö

KOROBTCHENKO, VIKTORIA: Kurortnoe prostranstvo v hudožestvennoj literature XIX veka. Na primere povestej ”Knâžna Meri” M.Û. Lermontova i ”Mimočka na vodah” L.I. Veselitskoj. / Kylpylätila 1800-luvun kaunokirjallisuudessa. Esimerkkikertomuksina Mihail Lermontovin ”Knâžna Meri” ja Lidiâ Veselitskaân ”Mimočka na vodah”.

Pro gradu – tutkielma, 60 sivua

Toukokuu 2014

Tämän tutkielman tarkoituksena on tutkia 1800-luvun lopun kylpylätilaa ja sen erityispiirteitä kaunokirjallisuuden avulla. Esimerkkitekstejäni ovat ko. aikaa edustavat Mihail Lermontovin ”Knâžna Meri” ja Lidiâ Veselitskaân ”Mimočka na vodah”.

Tutkielmassani käytän metodologiana lotmanilaisen semiotiikan perusteita. Käytän näin ollen kulttuurisemioottista luentaa teosten analyysissä. Kiinnitän erityisen paljon huomiota semiosfäärikäsitteeseen, joka on yksi keskeisempiä teemoja Lotmanin tutkimuksissa. Koska tutkielmani käsittelee nimenomaan tilaa ja sen problematiikkaa, käyn teoriaosiossani tilan käsitettä laajalti läpi. Semiosfäärin lisäksi työni tärkeimpiä käsitteitä on liminaalitila, jota käsitellään Victor Turnerin tutkimusten avulla.

Analyysiosiossa tarkastelen yksityiskohtaisesti kylpylätilaa ja sitä, millaisena se näyttäytyy valitsemisissä teksteissä. Minua kiinnostaa, mistä elementeistä kylpylätila rakentuu ja ovatko ko. elementit samoja kummassakin kertomuksessa. Analyysin tulokset ovat yksiselitteiset: kylpylätila voidaan nähdä eräänlaisena semiosfäärinä tai semioottisena tilana, joka asettuu henkilöiden arkipäiväisyyden semiotiikan vastakohtaksi. Kylpylä-semiosfääri vertautuu arkipäiväisyyden semioottiseen tilaan ja saa merkityksensä siitä.

Vaikka johtopäätös kylpylätilasta semiosfäärinä koskeekin kumpaakin kertomusta, kylpylätila näyttäytyy niissä erilaisena semioottisena tilana. Kertomuksessa ”Mimočka na vodah” pääpaino on naiskysymyksen myötä tilassa, joka antaa mahdollisuuden toimia ei-tavanomaisten sääntöjen puitteissa ja paeta tylsää, tyhjää arkea. Lermontovin ”Knâžna Meri” - kertomuksessa taas kylpylätila rakentuu miesten ja naisten välisistä, hierarkkisista suhteista.

Kaiken kaikkiaan kylpylätila edustaa paljolti samanlaisia erityispiirteitä, joita lotmanilainen semiosfäärinkin. Tärkeään rooliin nousee kylpylän semioottisen tilan kääntäminen ja kodifikaatio oman arkipäiväisyyden semiotiikan kielelle. Kääntämisen vaikeudet johtavat normien rikkoontumiseen ja uuden semioottisen tilan sääntöjen omaksumiseen. Tämä tarkoittaa osaltaan sitä, että henkilön käyttäytyminen ja ajatusmaailma muuttuvat kylpylän semiosfääriin siirtymisen myötä.

Avainsanat: kylpylä, kylpylätila, liminaalitila, semiosfääri, semiotiikka

Содержание

1. Введение	1
2. Материал исследования.....	4
2.1. М.Ю. Лермонтов и его творчество	4
2.2. Повесть «Княжна Мери»	5
2.3. Л.И. Веселитская и ее творчество	6
2.4. Повесть «Мимочка на водах»	8
3. Курорт - культурно-исторический контекст	10
3.1. Понятие «курорт» и развитие курортного дела в России	10
3.2. Лечение на курортах	13
4. Методология и теоретические основы работы	15
4.1. Семиотика культуры.....	15
4.1.1. Семиотика культуры: тартуско-московская школа и Ю. Лотман.....	15
4.1.2. Семиосфера.....	16
4.2. Пространство	20
4.2.1. Пространство по Юрию Лотману и В. Топорову	20
4.2.2. Лиминальность по В. Тернеру	22
5. Анализ повести «Княжна Мери».....	26
5.1. Изменения в мышлении и в поведенческих нормах.....	26
5.2. Курорт как игровое поле	30
5.3. Борьба самостоятельной личности и дворянской личности.....	34
6. Анализ повести «Мимочка на водах»	39
6.1. Изменения в этике и морали	39
6.2. Водяное общество как основа курортного пространства	44
6.3. Иллюзия свободы и индивидуализма	49
7. Выводы.....	53
8. Заключение	55
9. Библиография	56

1. Введение

Темой настоящего исследования является дореволюционный курорт. Курорт – это интересный культурный феномен, значения и роль которого в русской культуре изменялись в зависимости от эпохи. Нас интересует то, каким пространством курорт являлся в дореволюционное время и какое значение данный феномен имел в культуре.

В последние десятилетия многие историки и исследователи других сфер стали делать акцент на рассмотрении жизни и быта обыкновенных людей. Помимо исследования больших мировых событий, а также официальной истории развития государств, более активно стали изучаться повседневность, маленькие события (например, разные праздники и обряды), жизнь небольших групп общества (маргинальные племена, отдельные семьи, даже отдельный человек) и т.д. Мы считаем, что феномен курорта можно отнести именно к этому направлению исследования истории. Данные тенденции исследовательской деятельности являются важными, так как люди и их практики являются неотъемлемой частью как мировой истории, так и истории каждого государства.

В ходе написания настоящего исследования нами был сделан обзор научных трудов по курортному делу. О курортах существуют исследовательские работы, но они сосредоточены в основном на курортологии. Активно исследуются медицинские аспекты курортного дела. Если же говорить о историко-культурном контексте курортов, то большая часть трудов исследует советское время и санатории СССР. Так как развитие курортного дела началось в России довольно поздно, количество исследований, посвященных курортам царского времени, не многочисленно. Дореволюционный курорт как таковой еще не был изучен систематически.

В связи с вышеизложенным, исследование дореволюционного курортного пространства представляется нам актуальным. Данная работа будет написана с помощью интеграции нескольких сфер: литературы, истории культуры и культурной семиотики. Рассмотрим далее более подробно цели настоящего исследования.

Темой данной работы является феномен дореволюционного курорта в русской культуре. Главная задача нашего исследования состоит в глубоком анализе художественной литературы XIX века с целью изучения курортного пространства и его особенностей. Мы постараемся ответить на вопрос, с помощью каких элементов строится курортное пространство. Нас интересует специфика курортного пространства.

Для исследования вышеуказанной темы, нам необходимо понять основные аспекты дореволюционного курортного дела. Таким образом, второстепенной задачей настоящего

исследования является создание историко-культурного контекста. В его создании нам поможет вторичная литература. Рассмотрим далее ход данной работы.

Итак, в следующей, т.е. второй главе настоящей работы нами будет рассмотрен материал исследования. Мы представим выбранные нами художественные произведения, а также сделаем краткий обзор авторов данных произведений и их творчества.

Так как непосредственным объектом данного исследования является курортное пространство, мы должны рассмотреть категорию курорта более подробно. В третьей главе нашего исследования мы, во-первых, рассмотрим, что такое курорт. Во-вторых, мы сделаем обзор историко-культурных аспектов феномена курорт. С точки зрения нашей работы, является важным остановиться именно на дореволюционном курорте. В третьей главе мы будем опираться, в основном, на работы Е.Г. Степанова, Л.Б. Журавлевой и на совместный труд А.М. Ветитнева и Л.Б. Журавлевой.

Четвертая глава посвящена методологии, а также теоретическим основам и понятиям нашей работы. Методологической основой настоящего исследования является семиотика культуры. Мы считаем, что труды по семиотике культуры тартуско-московской семиотической школы, а особенно, работы ее главы Юрия Лотмана, предоставляют нам адекватный метод для глубокого анализа выбранной нами художественной литературы с целью рассмотрения курортного пространства. В качестве теоретической основы мы остановились на концепции семиосферы Юрия Лотмана и на категории лиминальности антрополога Виктора Тернера.

В начале четвертой главы мы рассмотрим отправные точки семиотики культуры тартуско-московской семиотической школы. Мы также остановимся на одной из наиболее важных концепций данной науки – семиосфере. Самыми главным источниками по теории семиотики культуры нам послужат собрание сочинений Юрия Лотмана «Том I. Статьи по семиотике и типологии культуры», а также его более поздний труд «Внутри мыслящих миров». Кроме этого, мы воспользуемся серией ученых записок Тартуского государственного университета «Труды по знаковым системам».

В разделе 4.2. мы рассмотрим категорию пространства, так она является ключевой с точки зрения настоящей работы. Во-первых, мы изучим семиотическое пространство. Главными источниками по данной концепции будут труды Юрия Лотмана. Во-вторых, мы рассмотрим понятие лиминальности, так как оно тесно связано с концепцией пространства. Данный термин понадобится нам при анализе художественной литературы. Для определения

лиминальности мы обратимся к трудам Виктора Тернера. После рассмотрения методологии и теории данного исследования, мы перейдем к эмпирической части нашей работы.

В пятой и шестой главах будут проанализированы выбранные нами художественные произведения. Используя методологию семиотики культуры и определения категории пространства, мы рассмотрим дореволюционное курортное пространство и его специфику. После этого, в седьмой главе, нами будут собраны и прокомментированы результаты данного исследования.

2. Материал исследования

Материалом данного исследования является художественная литература XIX века. Нами были выбраны две повести, которые хорошо отражают курортную жизнь и специфику курорта как пространства, и, таким образом, предоставляют нам много возможностей для анализа изучаемого нами феномена. Первая повесть, которую мы подвергнем анализу – «Княжна Мери» М.Ю. Лермонтова. Вторая изучаемая нами повесть - «Мимочка на водах» Лидии Веселитской. В этой главе мы ознакомимся с данными произведениями и писателями. Особенное внимание будет уделено Лидии Веселитской, так как она неизвестна широкой публике.

2.1. М.Ю. Лермонтов и его творчество

Краткий обзор творчества М.Ю. Лермонтова и роли данного писателя в русской литературе сделать очень сложно, так как Лермонтов является одним из самых великих писателей России. О Лермонтове и его произведениях написано огромное количество самых разнообразных трудов, рецензий, исследовательских работ, библиографий и т.д. Жизнь Лермонтова и проблематика его творчества до сих пор активно изучаются. Существует даже отдельная наука, – лермонтоведение – благодаря которой, труды, посвященные творчеству писателя, его жизни и влиянию на русскую литературу, постоянно пополняются уже с XIX века.

Свою творческую деятельность М.Ю. Лермонтов начал в конце 20-х годов XIX века. К его раннему творчеству относятся стихотворения, поэмы (одни из первых - «Черкесы» и «Кавказский пленник»), а также драмы. Несмотря на большое количество созданных Лермонтовым произведений, он не получил большой известности. Славу и признание среди современников Лермонтов заработал лишь в 1837 году, после написания стихотворения «Смерть поэта». Данное произведение отражает мысли Лермонтова о дуэли и смерти великого писателя А.С. Пушкина. Считается, что зрелый этап творчества Лермонтова начинается с середины 30-х годов. Его произведения становятся более многообразными и богатыми по содержанию. Он также начинает работать в новых жанрах. Одними из самых известных произведений зрелого этапа творческой деятельности писателя являются, например, стихотворение «Бородино», поэмы «Мцыри» и «Демон», а также самое известное произведение Лермонтова – роман «Герой нашего времени». (Информационный сайт Лермонтов.info, www.)

Говоря о творчестве М.Ю. Лермонтова, особенно важным является отметить его взаимосвязь с А.С. Пушкиным. Лермонтова считают его наследником и преемником. В своих произведениях Лермонтов продолжил развитие пушкинских тем. Он также использовал художественные принципы Пушкина; особое влияние на стиль Лермонтова оказали романтические поэмы Пушкина. (Марченко 1983; Благой, [www](#); Информационный сайт Лермонтов.info, [www](#).) Близкая связь между творчеством обоих писателей была замечена их современниками, а позже установлена многими исследователями. После появления на свет поэмы «Кавказский пленник» многие обвиняли М.Ю. Лермонтова в подражании Пушкину. Согласно Д.Д. Благому, данную поэму нельзя назвать сочинением Лермонтова, так как она – скорее пересказ известной поэмы А.С. Пушкина. Данный критик все-таки и защищает Лермонтова, отмечая, что в лермонтовском «Кавказском пленнике» есть довольно много написанного самостоятельно. Благой пишет, что даже такой тип работы показывает умение Лермонтова. Он также подчеркивает, что преемственность и связи писателей друг с другом являются важной составной частью процесса развития литературы. (Благой, [www](#).)

О Лермонтове говорят как о наследнике А.С. Пушкина потому что он, как и сам Пушкин, сделал очень многое для русской литературы. М.Ю. Лермонтов оказал большое влияние на творчество многих писателей. В ряд данных писателей входят, например, Н.А. Некрасов, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, А.А. Блок и В.В. Маяковский. Наследие Лермонтова встречается также во многих видах искусства: в театре, живописи, музыке и кинематографе. (Информационный сайт Лермонтов.info, [www](#).)

2.2. Повесть «Княжна Мери»

Повесть «Княжна Мери» является частью самого известного и изучаемого произведения Лермонтова - романа «Герой нашего времени». Роман был написан в 1838-1840 –х годах, первое полное издание было опубликовано впервые в 1840-м году. Согласно многим исследователям, в том числе и А.М. Марченко, роман был задуман во времена пребывания Лермонтова на Кавказе. В ссылке (1837 г.) Лермонтовым был собран огромный жизненный материал, который отразился в романе «Герой нашего времени». (Марченко 1983.) Роман заинтересовал также деятелей кинематографа: экранизации «Героя нашего времени» были осуществлены в 1965-м (СССР), 1986-м (США) и в 2006-м (Россия) годах. Киноверсии повести «Княжна Мери» были выпущены в 1927-м и 1955-м годах. Такое количество экранизаций говорит только об одном: интерпретация наиболее важного произведения Лермонтова продолжается.

Повесть «Княжна Мери» написана в форме журнала. Журнал пишет главный герой повести – офицер Григорий Печорин. События повести начинаются с того как Печорин приезжает в Пятигорск, на Кавказские минеральные воды. На курорте оказывается и его знакомый – юнкер Грушницкий. Вскоре после своего приезда Печорин знакомится с молоденькой и наивной княжной Мери, которая влюбляется в него. В Пятигорске Печорин также встречает свою старую возлюбленную Веру, которая незабвенно любит его, и из-за своей же любви страдает. Начинается любовная игра. Печорин добивается расположения и любви молодой княжны, прежде всего потому, что хочет разозлить Грушницкого, который начинает ухаживать за Мери с самого начала.

В повести перед нами открывается жизнь светского общества на водах, что очень важно с точки зрения темы данного исследования. Нам представляется специфика курортной жизни. Главной сюжетной линией повести «Княжна Мери» является любовная интрига. Сложные отношения волнуют и подавляют Мери, Веру и Грушницкого. Лишь один Печорин не страдает – все ведут себя так, как он спланировал. Как пишет сам Печорин, для него самым важным является то, чтобы кто-то любил его, а не то, чтобы он сам любил. Он любит для себя, для своего удовольствия. Самое главное для него – иметь власть. А это у него хорошо получается. Результатом коварных поступков и планов являются разбитые сердца и смерть Грушницкого на дуэли с Печориным.

С точки зрения целей настоящего исследования, является важным еще раз подчеркнуть, что события данной повести происходят на курорте, в пространстве, которое является непосредственным объектом нашей работы. В повести «Княжна Мери» мы знакомимся с жизнью курортного общества, и это предоставляет нам хорошие возможности для анализа курортного пространства.

2.3. Л.И. Веселитская и ее творчество

Как мы уже отмечали выше, писательница Лидия Ивановна Веселитская, писавшая под псевдонимом В. Микулич, не является известной. О ней написано немного. Мы, все-таки, постараемся сделать обзор ее жизни и творчества, опираясь на немногочисленные словарные статьи и научные труды.

Итак, Л.И. Веселитская была прозаиком, мемуаристкой и переводчицей. В 1877-м г. в журнале «Семья и школа» были опубликованы ее первые произведения: сказки «Четыре сестры» и «Сон после обеда». С 1883-го г. рассказы и повести В. Микулич стали активно

публиковаться в печати. Особое внимание и признание современников получила вторая часть трилогии о Мимочке «Мимочка на водах» (1891 г.). Первая («Мимочка-невеста», 1883 г.) и третья («Мимочка отравилась», 1893 г.) части трилогии не имели подобной популярности. В переводческие труды Веселитской входят переводы творчества таких писателей, как А. Доде, В. Гюго, Ж. Нодье и др. Веселитской написаны воспоминания о некоторых выдающихся писателях, с которыми она была знакома и общалась, например, о Ф.М. Достоевском, Л.Н. Толстом и Н.С. Лескове. (Розанова, www.)

Согласно Ольге Демидовой и Мэри Зирин, большая часть творчества Веселитской посвящена вопросам женственности и судьбы женщины в России. Писательница критикует положение женщины, а также те поведенческие нормы, которые определяют, как женщине положено себя вести. Демидова и Зирин также отмечают, что развод родителей Веселитской и ее неудачный брак имели влияние на ее творчество. Вопросы отношений между мужчинами и женщинами отражаются во многих произведениях Веселитской. (Demidova, Zirin 1994: 705-706.) С данными темами мы сталкиваемся и в изучаемой нами повести «Мимочка на водах».

Хотя женский вопрос был важным для Веселитской, и эта тема развивается в ее прозаической трилогии о Мимочке, писательница писала под мужским псевдонимом В. Микулич. Согласно Арье Розенхольм, которая сделала обзор женской литературы XIX века в послесловии сборника рассказов «Mimotska ottaa myrkkyä», многие женщины-прозаики пытались скрыть свой пол, так как стыдились того, что они женщины. Страх быть осмеянными не давал им других вариантов. Мужской псевдоним давал писательницам возможность быть воспринятыми серьезно в среде критиков. В данную группу входит и Лидия Веселитская. Согласно распространенным среди женщин-прозаиков представлениям, и она думала, что только несчастные и плохие женщины пишут. В XIX веке отношение к пишущим женщинам было неблагоприятным, ведь данная роль противоречила официальной роли женщины в обществе, роли матери и жены. Таким образом, думали, что начиная писать, женщина теряет свою скромность, считавшуюся одной из самых важных качеств женщины, которая, прежде всего, обязана быть женой и матерью. (Rosenholm 1990: 460-469.).

Итак, Лидия Веселитская, как и ее современницы, рассматривала в своей прозе женский вопрос и умело критиковала российское общество. Социо-психологическая тематика прозы Веселитской посвящает читателя в трагедию женской жизни (Rosenholm 1990: 460-469, 472-473). Хотя Веселитская и не достигла известности, многие современники

позитивно оценивали ее творчество. Например, согласно Е.И. Трофимовой, И.С. Тургенев хорошо отозвался о ее рассказе «Студент». Также такие писатели, как Лев Толстой и Николай Лесков хвалили ее творчество. Самую большую известность получила трилогия о Мимочке, которая обсуждает жизнь и судьбу молодой женщины. Особенно много похвал заслужила вторая часть трилогии – «Мимочка на водах». (Трофимова, [www](#).) Данную повесть и относящиеся к ней вопросы женственности мы рассмотрим в следующем разделе.

2.4. Повесть «Мимочка на водах»

Одним из объектов данного исследования является повесть Лидии Веселитской «Мимочка на водах», опубликованная впервые в 1891-м году в журнале «Вестник Европы». Данная повесть является второй частью трилогии о Мимочке. Первая часть - «Мимочка-невеста», третья - «Мимочка отравилась». Как мы уже отметили выше, трилогия получила очень хорошие отзывы, и даже такие писатели, как Лев Толстой, хвалили данные повести. Елена Трофимова пишет, что в своем письме к Веселитской Толстой отозвался о повестях следующим образом: «То, что вам передавал Суворин о моем восхищении перед вашей повестью, наверное, только в малой степени выражает то, как она мне нравится. Очень интересно, что вы напишете теперь, и по правде скажу, очень боюсь. Надо, чтобы было очень, очень хорошо, чтобы было не хуже 'Мимочки'. А 'Мимочка' по тону своему так оригинальна, что следующая вещь не может уже быть похожа на нее по тону». (Трофимова, [www](#).) С.А. Розанова же пишет, что Николай Лесков прокомментировал «Мимочку на водах» так: «повесть... свежа, жива и любопытна... манера писания чрезвычайно искусна и приятна» (Розанова, [www](#)).

Вернемся к героям и содержанию повести «Мимочка на водах». Героиней данного произведения является молодая девушка, Мимочка, которую вырастили избалованной и изнеженной. Мать Мимочки готова выполнять все прихоти своей дочери. Воспитание Мимочки сосредотачивалось на том, чтобы сделать ее светской девушкой, которая умеет держать себя в обществе. Это воспитание влияет на Мимочку – она и правда становится светской девушкой, мысли которой посвящены, в основном, разным вечерам, нарядам и романтическим французским романам. Вскоре мать Мимочки решает, что ее пора выдать замуж.

Выход Мимочки замуж за пожилого Спиридона Ивановича – лишь хорошая партия. Мать Мимочки рада, что смогла пристроить свою дочь так удачно: ведь Спиридон Иванович обеспеченный и почтенный мужчина, а к тому же еще и генерал. Для своего мужа Мимочка

является прелестной куколкой, с которой хорошо показаться в обществе. Хотя в жизни Мимочки как будто бы и есть все, что положено иметь для счастья – семья, деньги, «кложа в Михайловском театре» (Веселитская 1891) - чего-то Мимочке не хватает. Героиня живет, как «должна жить» (Веселитская 1891), как требует общество, и она живет неполноценной жизнью. Ей скучно, ей хочется пожить.

Мимочка устает от своей пустой и скучной жизни, от своего бессмысленного брака, и под давлением своей матери решает ехать на курорт. Уже по пути на кавказский курорт Железнодорожск Мимочкино внимание привлекает молодой человек. Он красив, изящен, элегантен, и по его манерам видно, что он – «человек из общества» (Веселитская 1891). Далее мы видим развитие событий на курорте. В. Микулич описывает курортную жизнь со всеми ее особенностями. Постепенно мы узнаем о ритме жизни на водах. Именно на курорте Мимочка переживает роман с Валерианом Николаевичем, о котором уже упоминалось выше. Это - запрещенная и волнующая любовь. По мнению Мимочки, это – весело и интересно, а что самое главное, это – что-то новое в ее жизни. Но мечта Мимочки о продолжении отношений не сбывается, и эта любовь остается лишь курортным романом.

В повести «Мимочка на водах», как и во всей трилогии о Мимочке, В. Микулич рассматривает положение женщины в российском обществе. Веселитская довольно сильно критикует судьбу и социальный статус женщин дворянского класса. Согласно Елене Трофимовой, в данной трилогии Веселитская обозначает обязанности женщины – она прежде всего жена и мать. Таким образом, Веселитская критикует поведенческие нормы российского общества. (Трофимова, www.) В повести перед нами раскрывается внутренний мир Мимочки, ее страдания, ее внутренняя борьба против своей судьбы. Как отмечает Трофимова, судьба Мимочки хорошо демонстрирует отношение общества к женщинам в XIX веке: «В детстве она должна быть разряженной игрушкой, в юности - предметом матримониального торга, в замужестве ей отводится роль родильной машины и украшения жизни своего супруга. Соответственно вся система воспитания и образования женщины настроена на освоение этих функций.» (Трофимова, www.)

Итак, события обеих повестей, «Княжны Мери» и «Мимочки на водах», происходят на кавказских курортах. Так как нам предстоит сделать глубокий анализ курортного пространства в эмпирической части настоящего исследования, в следующей главе мы предлагаем рассмотреть феномен дореволюционного курорта более подробно.

3. Курорт - культурно-исторический контекст

В данной главе мы обратимся к понятию «курорт», а также рассмотрим это явление в свете культурно-исторического контекста. Сначала нами будет сделан краткий обзор истории развития курортного дела в России. Далее мы изучим основные составляющие лечения на курортах.

3.1. Понятие «курорт» и развитие курортного дела в России

Перед рассмотрением культурно-исторического контекста курорта, мы считаем необходимым остановиться на значении данного термина. Ниже мы рассмотрим, как данный термин определяется в разных толковых словарях.

Нем. Kurort, лечебная местность, куда отправляются, особенно летом, больные и желающие развлечься (Толковый словарь живого великорусского языка 1914).

Местность, обладающая лечебными природными свойствами, используемая для устройства санаториев, домов отдыха и т.п. (Большой академический словарь русского языка 2007).

Курорт (нем. Kurort от Kur-лечение и Ort-место) - местность, обладающая природными лечебными средствами (минеральные воды, грязи, климат и др.) и необходимыми условиями для их употребления (Современный толковый словарь, изд. «Большая Советская Энциклопедия», www).

Как мы видим, в каждом определении подчеркивается функция курорта как лечебной местности. Помимо этого, природные лечебные средства являются главной составной курортного района. Хотя функции и значения курортов и изменялись в течение эпох и десятилетий, основой так и остается лечение с применением целительных природных ресурсов.

О лечебных свойствах природных средств известно уже с древних времен, и курорты, в той или иной форме существуют уже с античных времен. Е.Г. Степанов (Степанов 2008: 11) отмечает, что активное развитие промышленности, транспорта и торговли в XVII – XIX веках способствовало развитию европейских курортов. Именно в данный период курортное дело приобрело коммерческую форму. Большинство европейских курортов было открыто в XIX-XX веках. (Степанов 2008: 11.) Россияне часто ездили на европейские курорты отдыхать и лечиться. Популярными были, например, Баден-Баден в Германии, Карлсбад (в настоящее время курорт называется Карловы Вары) в Чехословакии и

Виши во Франции. О путешествиях россиян в Европу свидетельствуют произведения многих писателей, например Карамзина, Пушкина и Лермонтова.

Несмотря на то, что россияне активно посещали европейские курорты, развитие курортного дела в России началось довольно поздно, только в XIII веке. Инициатором создания первого русского курорта был император Петр I. Активный путешественник, часто лечившийся и отдыхавший на известных курортах западной Европы, заинтересовался курортными возможностями России. Петр I дал указ исследовать целебные воды России. Минеральные воды с целебными качествами были найдены в Карелии, и по приказу императора там был открыт первый русский курорт - Марциальные воды. (Ветитнев, Журавлева, www.)

Согласно А. Ветитневу и Л. Журавлевой, во второй половине XVIII века, и особенно в XIX веке шел активный рост курортного дела. В XIX веке были открыты, например, Старая Русса, Одесские грязевые курорты, Белокуриха, Сергиевские Минеральные Воды и Кавказские Минеральные Воды. (Ветитнев, Журавлева, www.) Развитию и открытию курортов в России способствовали многие факторы. Одним из наиболее важных факторов являлось построение железных дорог, с помощью которых всё большее количество регионов становилось доступным для путешественников и отдыхающих. МакРейнольдс отмечает, что позитивное влияние на развитие курортов оказало также царское правительство, отправляя генералов и офицеров отдыхать на курорты. Например, такие курорты, как Ессентуки и Боржоми, являлись сначала местом отдыха именно для тех, кто служил у государства. Лишь позднее на данные курорты стали ездить и представители других сословий. (McReynolds 2003: 172-173.)

МакРейнольдс приводит и другой, довольно любопытный пример факторов, повлиявших на развитие курортного дела и туризма вообще – русификация географических названий с помощью перевода. МакРейнольдс пишет, что, например, город, носивший персидское название Бештау был переведен на русский язык как Пятигорск. Столица Грузии, Тбилиси, стала звучать по-русски Тифлис. Данные изменения были внесены в связи с тем, что россияне были заинтересованы в курортах Кавказа и т.д., и с помощью русификации для россиян хотели создать более благоприятные и комфортные условия. (McReynolds 2003: 156-157).

Но что же представлял собой дореволюционный курорт? Обычно курортный район предлагал довольно обширные возможности для проживания. Кроме отелей высокого уровня, отдыхающие имели также возможность поселиться на даче или в особняке, которые

сдавались частными лицами. Популярностью пользовалось также наем дома, квартиры или комнаты. На территории курорта имелись рестораны, магазины и парки. (Журавлева 2008: 408). Помимо лечения, важным аспектом отдыха на курорте была также общественная жизнь. В связи с данным фактом, на курортах предлагались многие культурные возможности. Например, МакРейнольдс упоминает о таких способах времяпровождения, как горные прогулки, скачка на лошадях, пикники, концерты, различные вечера с танцами и т.д. (McReynolds 2003: 174, 177).

Хотя за довольно короткий период было открыто большое количество курортов с разными возможностями лечения и времяпрепровождения, о дореволюционных курортах встречается и много критики. С санитарной точки зрения и с точки зрения инфраструктуры многие из курортов были устроены плохо. Автор книги «Курорт 'Березовские минеральные воды'» приводит много факторов, которые приостанавливали развитие курортов. Во-первых, инфраструктура курортов была на низком уровне. Хотя многие курорты были основаны в маленьких селах и деревнях, на развитие окружающей среды не тратили денег и времени. Дороги были пыльными, во время дождей земля превращалась в грязь. Кроме этого, в курортных районах не было парков для прогулок, культурные возможности также часто отсутствовали. Во-вторых, многие курорты находились в антисанитарном состоянии. Отсутствие канализации, помойных ям, распространенность малярии и т.д. мешали развитию курортного дела. (www.)

Согласно Степанову, спрос часто превышал предложение, что имело негативное влияние на цены и на качество предоставляемых услуг. В связи со многими неудобствами, многие путешественники предпочитали качественные европейские курорты. Также это сказывалось на развитии курортного дела в России. Е.Г. Степанов пишет, что, согласно материалам III съезда Российского бальнеологического общества в России было всего 36 курортов, хотя известных минеральных источников и месторождений грязей с лечебными свойствами насчитывалось 500. По официальной статистике в 1912-м г. в России было всего 72 курорта. (Степанов, www.)

Итак, многие факторы приостанавливали развитие российского курортного дела. Конечно, со временем условия во многом улучшились, но активное систематическое санитарное, инфраструктурное и техническое развитие всех российских курортов началось только в советское время.

3.2. Лечение на курортах

Одной из самых важных причин посещения курортов являлось лечение с помощью использования минеральных вод. А. Ветитнев и Л. Журавлева отмечают, что первые в России исследования природных лечебных факторов были сделаны в XVIII веке. Например, в 1771-м г. С.Г. Гмелин исследовал липецкие минеральные воды. Широкое научное исследование минеральных вод Северного Кавказа сделали Ф.П. Гааз и А.П. Нелюбин в первой половине XIX века. Они описали многие кавказские источники, например «Нарзан», и показали публике значение данной группы курортов. В 1855-м г. было опубликовано «Полное, систематическое, практическое описание минеральных вод, лечебных грязей и купаний в Российской Империи» К.И. Грумма. Это был один из толчков к осознанию важности природных лечебных факторов. В дальнейшем многие русские ученые активно изучали данные факторы. Например, И.П. Павлов проводил эксперименты по влиянию состава минеральных вод на желудок. Помимо вод изучались также лечебные грязи и климат. Итак, в XIX веке применение лечебных факторов курортов было хорошо осознано. (Ветитнев и Журавлева, www.)

Как мы уже отметили выше, одной из причин посещения курортов было лечение. Каждый пациент встречался с врачом, который составлял приезжему программу лечения. Обычно лечение длилось как минимум несколько недель. Внутреннее и внешнее применение минеральных вод входило в каждую программу. Помимо применения ванн и питья воды, в программу входили прогулки, так как лечебные свойства климата были также осознаны.

Минеральные воды являлись основой курортного лечения. В курс лечения входило как внутреннее, так и наружное применение вод. В режим дня входило определенное количество купаний в ваннах. Каждому пациенту было также положено выпить за день определенное количество стаканов лечебной воды. Лечебные свойства минеральных вод были хорошо осознаны, так как свойства активно изучались в XIX веке. Е.Г. Степанов (Степанов, www) пишет, что использование водных процедур для лечения инфекционных болезней было проверено Ф.И. Иноземцевым и Е.И. Афанасьевым. Активно изучался также химический состав вод и влияние органических веществ на организм человека. Помимо этого, многие доктора и ученые сравнивали действие различных минеральных вод при одних и тех же заболеваниях. (Степанов, www.)

В курс лечения многих пациентов входило также грязелечение. Согласно Л.Б. Журавлевой, в России целебные свойства грязей были осознаны уже в XIV-XVI веках. Тогда грязи использовались в традиционной медицине. Например, грязи Сакского озера в Крыму и

Тинакского озера Астрахани использовались многими. Научные исследования по лечебным свойствам грязей начались проводиться с начала XIX века. Например, Н.А. Оже исследовал грязи Сакского озера. (Журавлева 2008: 252-257.) Е.Г. Степанов пишет, что также лечебная глина привлекла внимание исследователей. Например, Покровский изучал ее свойства и применение в лечении на протяжении 8 лет, а в 1898-м году данный метод был обсужден на 1-м Всероссийском совещании климатологов и бальнеологов в Симферополе. Н.М. Ковалевский и Преображенский использовали глину для лечения суставов и нервной системы. (Степанов, www.) Журавлева отмечает, что, хотя о лечебных свойствах грязей знали давно, их применение в курортном лечении началось лишь в XIX веке. Грязелечение стало активно использоваться на многих курортах - Марциальных Водах, Кавказских Минеральных Водах, Сергиевских Минеральных Водах, в Кемери, Липецке, Славянске и т.д. (Журавлева 2008: 252-257.)

Помимо использования природных ресурсов, при лечении большую роль играло также лечебное питание. Журавлева отмечает, что, так как многие дореволюционные курорты использовали в качестве примера известные европейские курорты, диетическое питание было модной составляющей курортного лечения. Особенно это практиковалось на курортах, где пили воды. Несмотря на все это, качество питания было довольно часто плохим. Журавлева пишет, что согласно очевидцам, «стол был часто невкусный и непитательный». Из-за отсутствия благоприятных условий, настоящий расцвет диетическое питание как метод лечения получило лишь в советское время. (Журавлева 2008: 408-411.)

4. Методология и теоретические основы работы

В данной главе мы рассмотрим методологию и теоретические основы настоящего исследования. В качестве методологии нами была выбрана семиотика культуры, а именно, семиотика культуры тартуско-московской школы. Труды главы школы, Юрия Лотмана, предлагают нам правильные инструменты и подход к анализу выбранной нами художественной культуры. Многие работы Лотмана посвящены анализу русской литературы и культуры. Лотман также напрямую дает примеры, каким образом может быть проанализировано географическое пространство.

Так как центральным понятием данной работы является пространство, эта концепция будет рассмотрена нами подробно в этой главе. Особое внимание будет посвящено концепции семиосферы, разработанной Юрием Лотманом. Помимо этого, мы рассмотрим теорию лиминальности Виктора Тернера.

4.1. Семиотика культуры

4.1.1. Семиотика культуры: тартуско-московская школа и Ю. Лотман

Одним из наиболее известных направлений семиотики культуры является тартуско-московская семиотическая школа. Данная школа объединяет две культурных традиции – московскую лингвистику и тартуское (первоначально ленинградское) литературоведение (Успенский 1987: 18-29.) Ведущей фигурой тартуско-московской школы считают литературоведа и культуролога Юрия Лотмана. В нашем исследовании мы будем опираться в основном на его труды.

Семиотика культуры – это наука, объектом исследования которой является культура (Лотман, www). Согласно Юрию Лотману, трудность интерпретации концепции «культура» состоит не только в многогранности данного термина, но и в том, что культура имеет первичный характер. Лотман отмечает, что человек живет в толще культуры, он неотделим от нее. Культура является предпосылкой существования человека. (Лотман 1992: 9-10.)

Согласно идеям представителей тартуско-московской семиотической школы, любая культура состоит из текстов. Текстами, помимо письменного текста или речи, могут являться, например, здания, жесты или жизнь того или иного человека. (Лотман, www.) Данную тенденцию подчеркивает и Г.Г. Почепцов, отмечая, что «вербальные ориентиры основных участников 'школы' позволили внести в инструментарий и такой перенос – любое проявление человеческой деятельности стало трактоваться как текст» (Почепцов 2001: 675).

По мнению Лотмана, культура является генератором новой информации. Используя окружающий мир в роли источника, она превращает не-сообщения в сообщения. Для того, чтобы осуществить данные задачи, культура нуждается в ряде принципов внутренней организации. (Лотман 1992: 9-10.) Эти принципы мы рассмотрим подробнее ниже, в разделе 4.1.2. Семиосфера.

Ю. Лотман и Б. Успенский считают, что культура – это «ненаследственная память коллектива». Таким образом, культура характеризуется тесной связью с прошлым. Порождение новой информации всегда опирается на исторический опыт и имеет отсылки к прошлому. Из этого вытекает, что одной из ключевых задач культуры является организация и хранение текстов. Лотман и Успенский пишут, что помимо этого, культура имеет функцию забывания, которая осуществляется двумя способами. С одной стороны, забывание означает уничтожение определенных текстов из памяти коллектива. С другой стороны, забывание функционирует в роли механизма памяти. С помощью исключения некоторых текстов из памяти культуры, забывание освобождает место для новых сообщений. (Лотман, Успенский 1971: 144-166.)

Как было отмечено выше, задача культуры состоит в производстве новой информации, но для этого ей требуется сложная внутренняя организация. В следующем разделе мы подробно рассмотрим понятие семиосферы, так как оно является ключевым с точки зрения структуры культуры.

4.1.2. Семиосфера

Концепция «семиосферы» была разработана Юрием Лотманом в семиотике культуры. Первое изложение данной темы появилось в 1984 году. С точки зрения Лотмана, системы не могут существовать и работать сами по себе, отдельно. Они всегда нуждаются в другом, и должны быть помещены в некий семиотический универсум, семиосферу.

Итак, согласно Лотману, семиосфера – это некое семиотическое пространство, в которое погружены знаковые системы. Этот континуум является предпосылкой функционирования коммуникативных процессов и выработки новой информации. (Лотман 1992: 11-13.) Семиосфера обладает рядом особенностей, которые мы представим ниже.

Как отмечает Лотман, одним из основных законов построения семиотического пространства является бинарность. Исследователь все-таки подчеркивает, что данную дуальность необходимо интерпретировать и рассматривать как множественность. Итак, семиосфера состоит из многих языков, которые постоянно умножаются. (Лотман 1996: 164-

165.) В данном контексте необходимо подчеркнуть то, что, как пишет Лотман, семиосфера также отличается неоднородностью. Погруженные в семиотическое пространство языки являются гетерогенными и они различны по своей природе. Их соотношения друг с другом варьируются от полной переводимости до полной неперевоидимости. Языки также являются гетерофункциональными. Данная тенденция, видна, например, в разных периодах жизни различных языков. В качестве примера Лотман отмечает, что языки моды сменяются намного быстрее, чем литературные языки. Помимо этого, стоит отметить, что один и тот же язык появляется в разных семиотических участках на разном этапе. Например, романтизм в танцах совершенно не синхронен пику романтизма в архитектуре. Из всего этого вытекает, что нет четкой хронологии существования языков и, с точки зрения синхронности, в семиосфере постоянно происходят столкновения различных языков и их этапов развития. (Лотман 1996: 166-169.)

Второй особенностью Лотман считает семиотическую неравномерность, асимметрию. С точки зрения Юрия Лотмана, семиотическое пространство состоит как из ядерных, так и из периферийных структур. Таким образом, иерархия является законом организации семиосферы. Центр семиосферы составляют самые развитые и структурно-организованные языки, обычно это естественный язык той или иной культуры. На периферии, наоборот, преобладают маргинальные языки, субкультуры и т.д. Диалог между данными иерархическими уровнями способствует функционированию коммуникативных процессов и порождению новой информации. Так как во многих случаях языки не имеют однозначных смысловых соответствий, появляется необходимость в переводе, кодификации языков, норм, обычаев и т.д., что и приводит к порождению новой информации и т.д. Лотман отмечает, что, так как структурная неравномерность семиосферы является гетерогенной, процессы развиваются с разной скоростью в разных ее участках. Исследователем подчеркивается, что периферийные жанры в литературе и искусстве, маргинальные субкультуры и языки моды рождаются быстро на периферии, и являются более революционными, чем языки, находящиеся в центральных участках семиосферы. При организации семиосферы наблюдается тенденция превращения периферийного участка в ядерный, тогда как функции ядерной структуры заменяются функциями, которые были по началу периферийными (Лотман 1992: 16-17, Лотман 1996: 169-174, 178-180.)

Особо важную роль при организации семиотического пространства играет граница: ограниченность является третьей особенностью семиосферы. Юрий Лотман отмечает, что семиосфера ограничена от внесемиотического или иносемиотического пространства. На

практике несемiotическое пространство может быть пространством другой семиотики. И так, чаще всего речь идет о том, что граница разделяет два пространства – внутреннее «наше» и внешнее «их». Ведь именно таким образом каждый индивид осмысляет мир – есть наше семиотическое пространство, которое является безопасным, культурным и гармонически организованным. С другой стороны, есть их пространство, которое нам незнакомо, которое является враждебным, чужим и опасным. Помимо этого, «их» семиотическое пространство часто осмысляется как пространство, в котором дозволено то, что в своем пространстве считается неправильным и недопустимым. Таким образом, наше и их пространство имеют различные законы и нормы. (Лотман 1996: 175-176.)

Так как семиосфера, согласно Лотману, не может осуществлять контакты с вышеуказанными внешними пространствами, роль границы как вспомогательного механизма становится ключевой. Граница и соединяет и разделяет два семиотических пространства, принадлежа к обеим культурам, к «своей» и к «их». Граница функционирует как механизм перевода, который переводит иносемиотические тексты и другие внешние сообщения на один из внутренних языков семиосферы. (Лотман 1992: 13-16, Лотман 1996: 183.) Лотман пишет, что «на уровне семиосферы она (функция границы – ВК) означает отделение своего от чужого, фильтрацию внешних сообщений и перевод их на свой язык, равно как и превращение внешних не-сообщений в сообщения, т. е. семиотизацию поступающего извне и превращение его в информацию.» (Лотман 1992: 14.) И так, границы семиосферы являются наиболее горячими точками семиообразовательных процессов.

Помимо вышеописанных наружных границ, все пространство семиосферы разделено границами разных уровней. Речь идет как и о многих семиотических образованиях, так и о границах отдельных языков и даже текстов. Именно взаимодействие и диалог данных структур порождает новую информацию и новые смыслы. (Лотман 1992: 16-17, Лотман 1996: 185.) В данном контексте Лотман подчеркивает важность семиотического «Я» субсемиосфер. Вопрос состоит в том, что в семиотическом образовании воспринимается как субъект или как личность индивида. Исследователь пишет, что только в некоторых культурных и семиотических условиях понятие личности индивида равно границам физической индивидуальности человека. Здесь речь идет о том, что понятие личности может быть самым разнообразным; личность может быть групповой, и может быть связанной с социальным, религиозным или нравственным положением. Например, в зависимости от культуры и исторического времени, дети и жена могут восприниматься как часть личности мужчины или же, как отдельные, самостоятельные личности. Проблемы возникают, когда

два способа кодирования сталкиваются, т.е., когда структура описывает индивида как часть какой-либо личности, а сам индивид считает себя автономной единицей, которая имеет самостоятельную личность. Помимо этого, индивид может иметь самостоятельную личность в одном семиотическом пространстве, а в другом он может принадлежать к коллективной личности (Лотман 1996: 186-188.)

Из описанного выше становится очевидным то, что граница является необходимой частью семиосферы, и, что без нее семиосфера не может функционировать. Согласно Лотману, наше семиотическое пространство не может существовать без их семиотического пространства. Таким образом, разные семиотические образования получают свой смысл благодаря существованию других образований. Каждая семиосфера соприкасается с другой семиосферой и любой семиотический участок соприкасается с другим семиотическим участком. На границах данных образований постоянно происходит обмен информацией, кодирование и выработка общего языка. (Лотман 1996: 191-192.) Итак, диалог между семиотическими образованиями является еще одной особенностью семиосферы. Мы все-таки рассмотрим механизмы диалога лишь кратко, так как данный вопрос не затрагивает напрямую тему нашего исследования.

Как было сказано выше, информационная коммуникация через границы разных семиотических образований порождает возникновение новой информации. Согласно Юрию Лотману, эта трансляция должна выступать именно в виде диалога. Ключевую роль здесь играет обмен информацией и сообщениями. Построение адекватной диалогической структуры, по мнению Лотмана, подчиняется некоторым правилам. (Лотман 1992: 17-18.)

Во-первых, так как в диалоге акцент стоит на обмене информацией, процесс коммуникации должен состоять из систем, которые имеют не только сходства, но и различия. Во-вторых, информация должна передаваться с перерывами. Данные паузы в передаче сообщений способствуют приему и переводу информации в каждом семиотическом образовании (в данном случае в одном из партнеров диалога). В-третьих, в связи с тем, что целью диалога является создание единого текста, транслируемое сообщение должно содержать аспекты, которые понятны для системы-реципиента. Только в таком случае перевод с чужого языка на свой возможен. (там же: 18-19.)

Итак, в данном разделе нами была рассмотрена концепция семиосферы. Семиосфера является семиотическим пространством, в которое помещены разнообразные семиотические образования. Данные участки семиосферы могут функционировать только в зависимости друг от друга. Семиосфера характеризуется рядом признаков; бинарностью,

гетерогенностью, асимметрией, отграниченностью и диалогом между семиотическими образованиями. Особое внимание нами было уделено роли и функциям границы в семиосфере. Мы отметили, что граница является механизмом перевода, превращая не-сообщения в сообщения, порождая, таким образом, новую информацию и новые смыслы.

4.2. Пространство

В последние десятилетия категория пространства активно изучается. Пространство является объектом исследования во многих сферах, например, в географии, социологии и т.д. В настоящей главе мы рассмотрим несколько аспектов понятия пространства. Во-первых, мы рассмотрим пространство с точки зрения семиотики. Для этого мы обратимся к работам Юрия Лотмана и Владимира Топорова. Мы также ознакомимся с концепцией лиминальности Виктора Тернера.

4.2.1. Пространство по Юрию Лотману и В. Топорову

Лотман отмечает, что для человека пространственное моделирование является основой построения картины мира и осмысления действительности. Согласно автору, человек воспринимает мир в основном зрительно, а это означает, что именно пространственные характеристики играют здесь большую роль. Из этого следует, что и словесные модели человек начинает воспринимать особенно, наделяя их пространственным содержанием. Лотман пишет, что такие понятия как «правый - левый», «высокий - низкий», «открытый - закрытый» и т.д., являются базой для построения понятий, которые не несут пространственной характеристики. Такими моделями являются, например, «хороший - плохой», «свой - чужой» и «ценный - неценный». Лотман отмечает, что, например, противопоставление «неба» «земле» и «верхов» «низам» (например, в социально-политическом контексте) относятся к числу основополагающих культурных моделей, которые человек активно использует. Именно данные понятия (построенные на основе банальных понятий с пространственным содержанием) являются главной составной идеологической модели той или иной культуры. Автор объясняет вышеуказанные тенденции следующим образом: «Представления о возвышенных и унижающих мыслях, занятиях, профессиях, отождествление близкого с понятным, своим, родственным, а далекого с непонятным и чужим - все это складывается в некоторые модели мира, наделенные отчетливо пространственными признаками». Итак, пространственное моделирование мира является одним из основных средств осмысления действительности. (Лотман, www.)

Согласно Юрию Лотману, пространство является важным (а точнее организующим) элементом и при создании художественных текстов. С помощью анализа лирики Тютчева и Заболоцкого автор показывает, что в текстах пространственное моделирование является фундаментом, на основе которого строятся и те характеристики текста, которые не содержат пространственных аспектов. Таким образом, как пишет Лотман, понятие сюжета тесно связано с художественным пространством. (Лотман, www.) Рассмотрим подробнее, каким образом Лотман приходит к данному выводу.

Автор отмечает, что основной составляющей сюжета являются события. Согласно Лотману, событием в тексте является «перемещение персонажа через границу семантического поля» (Лотман, www). В данном случае под семантическим полем подразумевается пространство. Иначе говоря, событие происходит тогда, когда персонаж перемещается из одного пространства в другое. Из этого всего следует, что сюжет текста зависит от структуры пространства в данном тексте (Лотман, www). Пространство влияет на развитие действия в художественном тексте.

Как мы уже отметили выше, событие происходит на границе двух семантических полей. Лотман подчеркивает, что понятие границы является одним из важнейших признаков пространства. Она делит все пространство текста на два различных подпространства. Для того, чтобы пространство служило фундаментом текста, граница должна быть непроницаемой, а два подпространства должны иметь различную структуру. В виде примера Лотман приводит волшебные сказки, которые, как обычно, членятся на два подпространства: избушку и лес. Функцию границы обычно исполняют, например, опушка леса или река. Данные пространства различны, и в каждом функционируют свои герои. Например, страшные силы и т.д. живут только в лесу. (Лотман, www.)

Лотман отмечает, что способ, с помощью которого текст делится границей, определяет во многом содержание текста (и, например, сюжет). Самым простым способом является деление пространства на две части, каждый герой принадлежит только одному пространству. В более сложных случаях герой может принадлежать обоим пространствам. Также возможен вариант, в котором характеристика пространства меняется по отношению к разным героям. (Лотман, www.)

О соотношении текста и пространства писал также В. Н. Топоров, русский филолог и один из основателей тартуско-московской семиотической школы. В своем эссе «Пространство и текст» Топоров подчеркивает, что пространство и время неотделимы друг от друга. Как пишет сам автор статьи, «...любое полноценное описание пространства

предполагает определение «здесь – теперь», а не просто «здесь» ». Согласно Топорову, эти две категории, время и пространство, образуют единый континуум, и их функционирование взаимосвязано. Используя слова автора, время «специализируется», становится формой пространства, а пространство проходит процесс «темпорализации», приобретает свойства времени. Одно не может функционировать без другого. (Топоров, www).

Подобные тенденции подчеркивают многие исследователи. Например, Дорин Масси, одна из самых выдающихся исследователей категории пространства, пишет, что время и пространство создаются одновременно и являются предпосылкой существования друг друга (Massey 2008). Данную взаимосвязь подчеркивал и русский филолог и философ Михаил Бахтин. Он посвятил часть своих исследований именно категории временных и пространственных отношений, хронотопу.

Итак, выше мы рассмотрели категорию пространства, используя, в основном, теории Лотмана. Так как данная категория является самой главной с точки зрения данной работы, мы предлагаем рассмотреть концепцию пространства более подробно и детально. Мы предполагаем, что курорт является необыкновенным и специфическим местом, а не повседневным пространством. Интересную точку зрения в описании категории пространства предлагает такой ученый как Виктор Тернер. Он говорит о такой категории пространства, которую мы считаем очень важной с точки зрения исследуемого нами курортного пространства. В следующем разделе мы рассмотрим более подробно концепцию лиминальности.

4.2.2. Лиминальность по В. Тернеру

Одна из интересных концепций, связанных с категорией пространства - лиминальность. Лиминальность – интересная категория для анализа курортного пространства, так как речь идет о некоем межпространстве, о пограничном и переходном пространстве, которое сильно отличается от повседневных пространств. Рассмотрим сущность лиминального периода немного позже, сейчас же обратимся к корням понятия лиминальность.

Главным исследователем лиминальности считают Виктора Тернера, хотя впервые о данной категории писал Арнольд ван Геннеп уже в 1909 году в своей работе «Обряды перехода» (первоначальное название «Les Rites de Passages»). В данной работе ван Геннеп писал о ритуалах и обрядах перехода, которые тесно связаны с изменениями в социальном положении индивида. Ритуалы часто используются при переменах в возрасте или в социальном статусе индивидов. Примерами переломов в жизни человека, которые

сопровождаются обрядами перехода, являются рождение, брак, достижение зрелости, смерть и т.д. Согласно исследователю, каждый обряд перехода состоит из трех стадий. На первой стадии отделения или сепарации, индивид изолируется от общества или от определенных культурных условий. Человек теряет свой статус. Вторая стадия – переход (состояние лиминальности, от латинского *limen* - порог). На данной стадии индивид находится в переходном состоянии, в пространстве, которое невозможно описать с помощью характеристик обыкновенного пространства (из которого индивид изолируется на первой стадии обряда). Лиминальная стадия включает в себя отсутствие статуса и структуры. Третьей стадией ритуала является реагрегация, т.е. воссоздание нового состояния или пространства. Индивид заново приобретает статус и роль в обществе. Именно идею о второй, лиминальной, стадии развил Тернер в своих трудах.

В трудах Тернера понятия лиминальность и лиминальное пространство появились впервые в 1967 году в произведении «The Forest of Symbols». Более же подробно тема была рассмотрена в его работе «The Ritual Process: Structure and Anti-Structure» (1969 год). Виктор Тернер использовал данные понятия и их характеристику для описания ритуалов африканских племен. С помощью проведения эмпирических работ и исследований в Африке, Тернер продолжил развитие идей ван Геннепа. Другие исследователи использовали понятие лиминальности в других науках, например, в философии, психологии, искусстве и в общем гуманитарном мышлении. Хотя Тернер использовал данную категорию для описания обрядов перехода отдельного африканского племени, лиминальность является многогранным понятием, которое описывает некое специфическое пространство или некоторую лиминальную фазу в общем. В своих трудах Тернер отмечает, что лиминальное состояние является применимым для многих случаев жизни индивида. Согласно исследователю, речь может идти об обряде перехода, например, тогда, когда индивид приобретает иной, более высокий статус. К переходным обрядам Виктор Тернер относит также ситуации, в которых индивид становится членом того или иного клуба, секретного общества и т.д. (Turner 1967, 1969.)

Чем же лиминальное пространство отличается от обыкновенного, повседневного пространства? Как лиминальность характеризуется в трудах Тернера? Тернер отмечает, что обыкновенное, современное общество построено на основе иерархии, статусов и т.д. Исследователь говорит об обществе, как о структуре. Общество функционирует на базе иерархичности, на базе различных статусов индивидов, на базе дифференциации одних индивидов от других, одних слоев общества от других и т.д. В обществе существуют

определенные нормы и ценности, индивиды общества обязаны вести себя согласно нормам общества. Каждый индивид играет свою роль в коллективе, что обязует человека действовать и жить определенным образом. Общество является четко структурированным и иерархическим построением. Позиция индивида в социальной структуре общества дает ему определенные привилегии, но также обязывает его следовать тем нормам, которые общество ему диктует именно в связи с его статусом, позицией, должностью и т.д. (Turner 1967, 1969.)

Как противоположность структурному обществу, Тернер предлагает термин антиструктура. Антиструктура характеризуется отсутствием иерархии, системы статусов и классификации, дифференциации индивидов. Именно такая модель общества, которую Тернер называет коммунитас, характерна для лиминальной фазы обрядов перехода. В обществе-коммунитас преобладают гомогенность, товарищество и эгалитаризм. (Turner 1969.) Тернер подчеркивает, что данное товарищество стирает многие признаки, которые относят человека к определенному социальному рангу. В коммунитас возраст, должность, родственные связи и социальная позиция человека не играют роли, а точнее, данные признаки утрачиваются. (Turner 1967, 1969.) Результатом является то, что между индивидами, находящимися в лиминальном состоянии, преобладает полное равенство (Turner 1967: 99).

Интересным является то, что согласно теории лиминальности по Тернеру, попадая в лиминальное пространство, индивид становится некоей *tabula rasa*, пустым холстом. Человек может рассматриваться как чистый сырьевой "материал". Человек теряет свои прежние характеристики, свой статус и т.д., и в лиминальном пространстве он трансформируется. В данной трансформации особую роль играют само пространство и ее члены. Новые характеристики, ценности и поведенческие нормы индивида трансформируются именно в результате взаимоотношений людей в обществе-коммунитас. (Turner 1967: 98, 1969: 103.)

Если продолжить речь о влиянии лиминальной фазы на отдельного индивида, то является важным остановиться на замечании Тернера о том, что перемещение индивида в лиминальное пространство означает не только потерю социального статуса и позиции. Так как позиция человека в социальной структуре имеет огромное влияние на поведенческие нормы и ценности человека, при попадании в лиминальное пространство, индивид расстаётся со своими старыми мыслями и привычками, чувствами и действиями. Тернер пишет, что лиминальность можно частично описать, как стадию рефлексии. (Turner 1967: 105.) Мы считаем, что здесь речь идет о переосмыслении самого себя. Индивид рассматривает свои действия и их результаты, и делает самоанализ.

Итак, выше нами были описаны главные черты категории лиминальности. Чтобы еще раз кратко повторить различия обычного, современного общества и общества-коммунитас, остановимся на категориях, которые Тернер представляет читателям в своих трудах. Коммунитас характеризуется, например, такими признаками, как гомогенность, антиструктура, равенство, анонимность и отсутствие статусов. Обыкновенное общество, наоборот, имеет такие признаки, как гетерогенность, структура, неравенство, номенклатурная система и наличие социального статуса. Для нас особенно интересной показалась такая пара слов как "глупость" и "разум". Тернер отмечает, что именно эмоциональный характер взаимоотношений людей является характерным для лиминальной стадии. (Turner 1969: 106-108.)

5. Анализ повести «Княжна Мери»

В двух следующих главах нашей целью является подвергнуть анализу выбранную нами художественную литературу. Анализ будет сделан с помощью методологии культурной семиотики, и на основе концепций пространства, представленных в теоретической части данного исследования. Для анализа текстов нами были выбраны категории, которые хорошо показывают специфику и признаки курортного пространства.

Сначала мы остановимся на повести «Княжна Мери». Как было уже отмечено выше, главным героем данного произведения является представитель мужского пола, и все действия, происходящие в тексте, описаны и интерпретированы с его точки зрения. Мы подчеркиваем данный факт, так как хотим также рассмотреть, каким образом он влияет на сущность и образ курортного пространства, представленного в «Княжне Мери».

5.1. Изменения в мышлении и в поведенческих нормах

При рассмотрении повести «Княжна Мери» нами было отмечено, что перемещение героев повести, в том числе и главного героя, Григория Печорина, в курортное пространство приводит к разрушению привычных норм и к изменениям в поведении героев. Мы также хотим подчеркнуть изменения в морали и этике героев, которые, как мы считаем, пробуждены перемещением из одного, привычного пространства в другое, курортное.

Теория лиминальности подчеркивает данные тенденции. Как было описано выше, согласно Виктору Тернеру, перемещение в лиминальную стадию содействует потере прежнего статуса и разрушению норм. Мы считаем, что в данном случае речь идет о том, что при перемещении в курортное пространство, индивид перестает действовать согласно нормам и правилам обыкновенного общества, согласно своему разуму. При анализе повести «Княжна Мери» нами была подчеркнута тенденция главного героя (а также и других героев) испытывать на курорте незнакомые ему чувства. Преобладание чувств, а не разума является важным аспектом. С нашей точки зрения, курортное пространство подталкивает индивидов к внутренней борьбе. Человек начинает бороться с самим собой, со своей моралью, пытаясь сделать выбор между разумом и чувствами. Индивид вполне знаком с тем, какое поведение от него ожидается, но на какой-то стадии замечает, что ведет себя не так, как привык вести себя в повседневном пространстве, в своей обычной жизни. Индивид переживает новые, незнакомые ему чувства. В данном разделе нашей целью является показать, каким образом мы пришли к данному выводу. Для этого нам необходимо отвести особое внимание характеру главного героя повести.

Итак, повесть «Княжна Мери» начинается с того, как главный герой произведения, офицер Григорий Печорин, приезжает в Пятигорск на кавказские минеральные воды. Перед нами предстает образ главного героя, который является человеком, который знает, как владеть собой. Он всегда действует обдуманно, и никогда не опирается на свои чувства при принятии решений. Он привык просчитывать многие ситуации и заставлять людей вести себя так, как он хочет. Печорин считает, что он хорошо изучил людей, особенно женщин, и знает, каким образом он может заставить людей вести себя по плану, составленному им. Он любит повеселиться, и делает это за счет чувств людей. С самого начала повести Печорин предстает перед нами именно в таком образе.

Вскоре после своего приезда на курорт, Печорин встречается своего приятеля по службе, Грушницкого, которого недолюбливает. В процессе их разговора Грушницкий рассказывает, что на курорт приехала очень интересная девушка, княжна Мери. Печорин замечает, что Грушницкий заинтересован в княжне, следовательно, Печорин решает влюбить ее в себя, только, чтобы позлить Грушницкого и устроить для себя забаву. Мы хотим подчеркнуть, что Печорин считает, что это в его руках и что он вполне может заставить Мери его полюбить. И действительно, Печорин делает из курорта свое игровое поле, а из приезжих – марионеток, с которыми он играет и которыми он управляет, как хочет.

Постепенно мы видим, что Печорин составил для себя план, по которому действует. Он решает, что лучший способ заставить княжну Мери влюбиться в себя – это не обращать на нее особого внимания, и притворяться, что он с ней даже не хочет познакомиться. Скоро мы узнаем, как детально главный герой все продумал:

Любопытство привлекло ко мне некоторых из окружавших княжну; мало-помалу, и все ее покинули и присоединились к моему кружку. Я не умолкал: мои анекдоты были умны до глупости, мои насмешки над проходящими мимо оригиналами злы до неистовства... Я продолжал увеселять публику до захождения солнца. - Несколько раз княжна под ручку с матерью проходила мимо меня, сопровождаемая каким-то хромым старичком; несколько раз ее взгляд, упав на меня, выражал досаду, стараясь выразить равнодушие... — Что он вам рассказывал? — спросила она у одного из молодых людей, возвратившихся к ней из вежливости: — верно очень занимательную историю — свои подвиги в сражениях?.. — Она сказала это довольно громко и вероятно с намерением кольнуть меня. «А-га!» подумал я: «вы не на шутку сердитесь, милая княжна; погодите, то ли еще будет!» (Лермонтов 2010: 590)

Из примера, приведенного выше, мы видим, что Печорин взвешивает свои поступки, и заставляя Мери действовать, думать и чувствовать так, как он хочет. Он радуется тому,

что его план действует. Почти на протяжении всей повести мы видим, как коварно Печорин действует. Он умеет владеть собой, он знает, как играть в игру чувств, и он никого не жалеет. Приведем еще несколько примеров, которые хорошо показывают то поведение, к которому Печорин привык; то поведение, которое преобладает в обыкновенной жизни Печорина, в семиотике повседневности:

В продолжение двух дней мои дела ужасно подвинулись. Ей (княжне - ВК) ужасно странно, что я, который привык к хорошему обществу, который так короток с ее петербургскими кузинами и тетушками, не стараюсь познакомиться с нею. Мы встречаемся каждый день у колодца, на бульваре; я употребляю все свои силы на то, чтоб отвлекать ее обожателей, блестящих адъютантов, бледных москвичей и других, — и мне почти всегда удается. Я всегда ненавидел гостей у себя: теперь у меня каждый день полон дом, обедают, ужинают, играют — и, увы, мое шампанское торжествует над силою магнетических ее глазок! (Лермонтов 2010: 590)

Как указано выше, в примере, Печорин считает, что его план действует, как необходимо. Интересным является то, насколько главный герой доверяет себе, и насколько он уверен в том, что своими действиями и словами он может заставить Мери влюбиться в себя. Мы хотим также подчеркнуть, что Печорин поначалу даже не жалеет Мери, хотя она в него влюбляется вследствие его действий, волнуется и страдает:

Она недовольна собой; она себя обвиняет в холодности... О, это первое, главное торжество! Завтра она захочет вознаградить меня. Я все это знаю наизусть — вот что скучно! (Лермонтов 2010: 612-613)

Итак, выше нами было описано, каким образом Печорин привык себя вести: не жалея других и живя только для своего удовольствия. Он неоднократно дает понять читателю, что привык опираться на свой разум, что привык играть с людьми и проводить эксперименты, тестируя свои способности влиять на поведение людей своими словами и поступками. И он привык выигрывать, добиваться своего. Все-таки, на какой-то стадии у Печорина начинают появляться сомнения. Он начинает мыслить иначе и сомневаться в своих поступках. Он начинает мыслить непривычным для себя образом. Печорин начинает задумываться о своих поступках, и удивляется тому, зачем он мучает Мери. Почему ему

необходимо играть с ее чувствами лишь для того, чтобы она его полюбила? Ведь он хочет только позабавиться, и не собирается на ней жениться.

Именно такие мысли, являющиеся совершенно нехарактерными для главного героя повести, говорят о том, что курортное пространство, являясь другим, непривычным семиотическим пространством, толкает индивидов к разрушению обычных поведенческих норм. В связи с изменением пространства, наблюдается процесс изменения личности. Печорин начинает переживать неизвестные для себя чувства. Одним из примеров является один из разговоров Мери с Печориным. Хотя мучения Мери и ее волнения при разговорах с главным героем раньше его совсем не расстраивали, и Печорин лишь радовался тому, что имеет власть над Мери, на этот раз Печорин пишет следующим образом:

Я до вечера бродил пешком по окрестностям Машука, утомился ужасно и, пришедши домой, бросился на постель в совершенном изнеможении.
(Лермонтов 2010: 619)

Печорин настолько поражен грустью Мери и ее слезами, что чувствует физическое изнеможение. Уже здесь видно отклонение Печорина от его привычного поведения и мыслей. Мы видим, что семиотика курортного пространства имеет огромное влияние на мышление и поведение главного героя. Далее Печорин начинает еще больше сомневаться в себе и в своих чувствах. Переехав в другой курортный городок, главный герой ловит себя на той мысли, что он очень ждет приезда Мери. Когда она, наконец, приезжает, Печорин рад и с удивлением думает, не влюблен ли он в Мери.

На протяжении второй половины повести Печорин ведет внутреннюю борьбу с самим собой. Он хочет вести себя по своему первоначальному плану, но несмотря на свои старания переживает такие чувства, которые не переживал перед перемещением в курортное пространство. Он мучает Мери своими словами и поступками, но иногда жалеет ее. Во время их последнего разговора ему ее настолько жалко, что он почти падает к ее ногам. Подобные тенденции, т.е. изменения в мышлении и поведении Печорина можно отметить и при анализе второй сюжетной линии. Помимо коварной игры с чувствами Мери и Грушницкого, Печорин экспериментирует и над своей бывшей возлюбленной Верой, которая тоже оказывается на курорте. Хотя Печорин считает, что владеет собой и заставляет Веру действовать согласно своему плану, в конце концов, Вера получает над ним волю, что совершенно нехарактерно для Печорина в его повседневном семиотическом пространстве.

Итак, в настоящем разделе нами было рассмотрено, каким образом перемещение героев из семиотики повседневности в курортное семиотическое пространство влияет на их мышление и поведение. Мы считаем, что для курортного пространства характерно разрушение поведенческих норм, к которым индивиды привыкли в своем повседневном пространстве.

5.2. Курорт как игровое поле

После анализа повести «Княжна Мери» мы можем обоснованно отметить, что одним из наиболее важных элементов курортного пространства являются социальные отношения. На основе сделанного нами анализа нам кажется явным то, что взаимоотношения между индивидами являются базой структурирования курортного пространства. Здесь мы видим сходства с теорией лиминальности Виктора Тернера. Исследователь считает, что фаза лиминальности характеризуется тем, что другие «посетители» лиминальной фазы прямо влияют на то, о каком пространстве идет речь. Именно другие индивиды и их взаимоотношения составляют специфику курортного пространства.

В повести «Княжна Мери» было нетрудно заметить, что главной причиной посещения вод является, помимо физического лечения, так называемое "духовное лечение". Мы считаем вполне обоснованным отметить, что по большей части духовное выздоровление связано со светской жизнью на курорте и со всеми радостями, которые она преподносит. Рассматривая повесть «Княжна Мери», мы можем подчеркнуть, что пребывание на курорте состоит, в основном, из разнообразных мероприятий, в которых участвуют многочисленные новые знакомые. Люди на курорте занимаются прогулками по парку, катанием на лошадях, пикниками, балами, концертами и разнообразными вечерами. Важный акцент ставится на завязывании новых знакомств с интересными людьми.

Нами было отмечено, что в повести «Княжна Мери» курортное пространство предстает перед Печориным, как некое игровое поле. Для главного героя данное семиотическое пространство является местом, где герой может выполнить все свои прихоти. Здесь мы считаем необходимым привести слова исследователя-социолога Дорин Масси, которая определяла пространство «сложной сетью отношений доминирования, подчинения, солидарности и сотрудничества» (перевод мой - ВК) (Massey 2008: 58). Именно об этом идет речь при назывании признаков курортного пространства в повести «Княжна Мери». Специфику курортного пространства составляют сложные, многогранные отношения между индивидами данного семиотического пространства, и на основе анализа главных сюжетных

линий, которыми являются отношения Печорина как с Мери, так и с его бывшей возлюбленной Верой, мы можем сказать, что данное взаимодействие между индивидами основывается на подчинении и доминировании. Важным является подчеркнуть, что данная полярность в повести наиболее сильно видна на оси мужчина-женщина. Рассмотрим данные тенденции более подробно.

Начнем рассмотрение аспектов взаимодействия между индивидами курортного пространства с отношений между главным героем повести, Печориным и молодой княжны Мери. Как было уже отмечено в разделе 2.2., сразу после своего приезда в Пятигорск Печорин решает завоевать сердце и любовь молоденькой княжны Мери, которая приезжает на курорт со своей матерью, княгиней Лиговской. Делает главный герой это не только, чтобы разозлить Грушницкого, который влюблен в Мери, но и по совершенно эгоистическим причинам – он хочет еще раз испытать свои силы, свою власть над женщинами. Интересным здесь является именно тот факт, что Печорин хочет *подчинить* Мери себе и *заставить* ее влюбиться в него. Здесь акцент стоит на аспекте доминирования и подчинения, что хорошо описывает отношения Печорина и Мери. Рассмотрим некоторые эпизоды в качестве примеров.

Власть Печорина над Мери наблюдается особенно сильно в том, что своими четко продуманными поступками и разговорами он заставляет Мери думать и действовать именно так, как он спланировал. Он приобретает власть над ее сердцем и волей. Одним из интересных примеров является эпизод прогулки водяной компании, в том числе и Мери с Печориным, к провалу. Печорин знает, что Мери, как и многие другие девушки-аристократки, является чувствительной. Чтобы *заставить* Мери почувствовать жалость к нему, Печорин «приняв глубоко-тронутый вид» (Лермонтов 210: 611), начинает рассказывать ей о своем грустном детстве и о молодости; о том, как оскорбления, обвинения, отсутствие ласки и любви погубили в нем все хорошие чувства и качества и нравственность, но, как он говорит, Мери пробудила в нем хорошие чувства и заставила вспомнить об умершей половинке его сердца. Цель его рассказа состоит в пробуждении жалости в Мери, так как Печорин считает, что это – тот трюк, с помощью которого он может покорить Мери:

В эту минуту я встретил ее глаза: в них бегали слезы; рука ее, опираясь на мою, дрожала: щеки пылали, ей было жаль меня! Сострадание – чувство, которому покоряются так легко все женщины, впустило свои когти в ее неопытное сердце. (Лермонтов 2010: 612)

Итак, Печорин добивается того, чего хочет. Слова Печорина производят желаемое впечатление на княжну. Интересным является то, что слезы Мери не заставляют Печорина раскаиваться в своей коварности. Наоборот, главный герой торжествует, ведь получилось так, как он спланировал! Из отрывка ниже мы видим, что отношения с Мери являются для Печорина лишь любовной игрой, интригой, которая его веселит. Он хочет доказать себе, что способен заполучить Мери и что способен манипулировать ее поведением и мыслями:

Она недовольна собой; она себя обвиняет в холодности... О, это первое, главное торжество! Завтра она захочет вознаградить меня. Я все это знаю наизусть – вот что скучно! (Лермонтов 2010: 612-613)

Данный пример показывает нам, насколько иерархичными являются отношения Мери и Печорина. Мери становится марионеткой, которой Печорин управляет, заставляя ее думать и действовать по задуманному им плану. Вторым интересным примером доминантных отношений между Печориным и Мери является прогулка на лошадях.

[...] она хотела освободиться от моей руки, но я еще крепче обвил ее нежный, мягкий стан: моя щека почти касалась ее щеки; от нее веяло пламенем.

- Что вы со мною делаете? .. Боже мой! ..

Я не обращал внимания на ее трепет и смущение, и губы мои коснулись ее нежной щечки; она вздрогнула [---] видно было, что ее беспокоило молчание, но я поклялся не говорить ни слова - из любопытства. Мне хотелось видеть, как она выпутается из этого затруднительного положения. (Лермонтов 2010: 623)

Печорин мучает Мери своим поведением. Он дает ей понять, что она ему нравится, но это только игра. Печорин не испытывает чистых чувств к Мери. Он хочет лишь поиграть и доказать себе, что хорошо зная женщин способен покорить их себе, своей воле. Выше приведенный пример наглядно показывает подчинение княжны воле Печорина. Она осознает, что Печорин делает с ней то, что хочет.

Подобная тенденция иерархических отношений наблюдается и во второй сюжетной линии, которая описывает отношения Печорина и второй героини повести – Веры, которая некогда была его возлюбленной. В начале повести мы узнаем, что Печорин относится к Вере не так равнодушно, как к Мери – Вера пробуждает в нем хорошие чувства, но несмотря на это, он имеет власть над ней:

– Ты знаешь, что я твоя раба, я никогда не умела тебе противиться... и я буду за это наказана: ты меня разлюбишь! [---] О, я прошу тебя: не мучь

меня попрежнему пустыми сомнениями и притворной холодностью: я, может быть, умру скоро, я чувствую, что слабею со дня на день... и, несмотря на это, я не могу думать о будущей жизни, я думаю только о тебе... Вы, мужчины, не понимаете наслаждений взора, пожатия руки... а я, клянусь тебе, я прислушиваясь к твоему голосу, чувствую такое глубокое, странное блаженство, что самые жаркие поцелуи не могут заменить его. (Лермонтов 2010: 605)

– Теперь ты веришь ли, что я тебя люблю? О, я долго колебалась, долго мучилась... Но ты из меня делаешь все, что хочешь. (Лермонтов 2010: 629)

Вера полностью подчинена Печорину. Он, несмотря на признания Веры, веселиться, играя в любовные игры с обеими женщинами. Он также мучает Веру своим флиртом с Мери. Как мы видим из вышеприведенных эпизодов и примеров, Печорин поступает с Верой и Мери коварно и жестоко. Отношения построены на том, что героини повести подчиняются Печорину, а он только играет с их чувствами.

Одним наиболее ярким аспектом отношений подчинения и доминирования является специфическое отношение Печорина к женщинам. Хотя роль женщины в обществе в XIX веке являлась и так сложной и неравноправной по сравнению с ролью мужчины, Печорин придает всему этому еще большее значение. При анализе повести «Княжна Мери» нами было отмечено, что Печорин строит для себя сильную иерархию, которая ставит женщину на низкую ступень иерархии по отношению к представителям мужского пола. Печорин относится к женщинам как к интересному развлечению:

А ведь есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся души! Она как цветок, которого лучший аромат испаряется навстречу первому лучу солнца; его надо сорвать в эту минуту и, подышав им досыта, бросить на дороге: авось кто-нибудь поднимет. (Лермонтов 2010: 608)

На основе вышеприведенных примеров, мы считаем, что курортная семиотика представляет Печорину возможность для самовыявления. Для Печорина курорт является местом развлечения, которое помогает ему экспериментировать его силы и волю над женщинами.

В данном разделе нами была рассмотрена специфика взаимоотношений между главным героем повести и окружающими его людьми, а в частности, отношения Печорина с Верой и Мери. Как нами было показано на примере некоторых эпизодов, основополагающим элементом построения курортной семиотики являются многогранные и сложные отношения

индивидов, перемещающихся в курортное пространство из семиотики повседневности. Нами было подчеркнuto, что в повести «Княжна Мери» особое значение предается иерархическим отношениям между женщиной и мужчиной. Нашим выводом является то, что семиотика пространства создается самим водяным обществом.

Курорт является для Печорина семиотическим образованием, которое дает ему возможность самовыражения и удовлетворения своих интересов по отношению к женщинам. Печорин считает курортное пространство своим игровым полем, где он может экспериментировать над представителями женского пола.

5.3. Борьба самостоятельной личности и дворянской личности

Анализируя повесть «Княжна Мери» можно отметить, что главный герой повести, Печорин, стоит в оппозиции к светскому обществу и его правилам. Он непримиримо относится к традициям дворянского класса, представителем которого он и сам является. Здесь мы видим сходство с идеей Лотмана о разных описаниях личности индивида, в зависимости от семиотического пространства, в котором индивид находится. Привычная Печорину семиотика, т.е. его повседневное пространство, описывает его личность как коллективную. Он является представителем дворянского класса, что диктует его поведение. В связи с его принадлежностью к дворянскому сословию, Печорин должен следовать моральным устоям аристократии, что и делает из него лишь частичку какой-либо целостности, коллективной личности дворянского класса. Здесь есть противоречие, так как Печорин осознает себя как автономную единицу. Он считает, что может и должен вести себя согласно своему желанию. Итак, семиотика курорта является пространством, где сталкиваются два способа кодификации личности индивида: перед нами предстает противопоставление дворянского общества и личности главного героя.

Речь идет также о двух различных языках, присущих двум разным семиотикам. Язык, т.е. законы, нормы и правила семиотики повседневности, отличаются от языка курортной семиотики. В результате, главный герой делает кодификацию языка курортного пространства, что со стороны Печорина приводит к отказу от поведенческих норм повседневности. В связи с этим, Печорин также отвергает коллективную личность, предписанную ему аристократическим обществом. Данная оппозиция Печорина к поведенческим нормам дворянского сословия наблюдается на протяжении всей повести. Лермонтов наглядно показывает, насколько плохо Печорин относится к светскому обществу с его правилами и запретами. В конце концов, эта оппозиция приводит к осознанному

нарушению правил и поведенческих норм аристократического общества. Рассмотрим данные тенденции более подробно, на основе примеров.

Одним из самых ярких примеров нарушения поведенческих норм и моральных устоев семиотики повседневности являются отношения Мери и Печорина, а точнее то, каким образом Печорин поступает с Мери. Как было неоднократно отмечено ранее в нашей работе, после приезда на курорт Печорин начинает активно ухаживать за Мери. Своими разговорами и поступками он заставляет Мери думать, что она ему нравится. Он нарочно ведет себя таким образом, который заставляет Мери влюбиться в него. Чем дольше главные герой и героиня находятся на курорте, тем более дерзко и настойчиво Печорин себя ведет по отношению к Мери. Печорин побуждает ее к романтическим отношениям с собой. Однако, уже вскоре после знакомства героев, мы видим, что отказ Печорина от норм и правил аристократии приводит к столкновению двух семиотических образований. Дело в том, что Печорин играет в любовные игры с Мери, чтобы снова почувствовать свою власть над женщинами. Для него данные отношения являются всего лишь развлечением. Мери, однако, действует и мыслит согласно нормам семиотики повседневности, т.е. согласно правилам дворянства. Следовательно, поведение Печорина становится непонятным для Мери. Следующий эпизод, являющийся разговором между Мери и Печориным, наглядно демонстрирует недоумение Мери:

Видите ли, я много думала, стараясь объяснить, оправдать ваше поведение; может быть вы боитесь препятствий со стороны моих родных... Это ничего: когда они узнают... (ее голос задрожал) я их упрошу. Или ваше собственное положение... но знайте, что я всем могу пожертвовать для того, которого люблю... О, отвечайте скорее, - сжальтесь... Вы меня не презираете, не правда ли?

Она схватила меня за руку.

Княгиня шла впереди нас с мужем Веры и ничего не видала; но нас могли видеть гуляющие больные, самые любопытные сплетники из всех любопытных, и я быстро освободил свою руку от ее страстного пожатия.

– Я вам скажу всю истину, – отвечал я княжне; – не буду оправдываться, ни объяснять своих поступков. – Я вас не люблю.

Ее губы слегка побледнели...

– Оставьте меня, – сказала она едва внятно.

Я пожал плечами, повернулся и ушел.

(Лермонтов 2010: 626-627)

Итак, данный пример хорошо показывает противоречие между поведенческими нормами семиотики повседневности и курортной семиотики. Настоящий эпизод заключает в

себе много интересных аспектов, относящихся к столкновению двух разных семиотик. Первые фразы княжны Мери говорят о том, что слова и поступки Печорина, его ухаживание за ней приводят ее в недоумение и ведут к заблуждению. Так как Мери предполагает, что Печорин ведет себя согласно нормам, присущим дворянскому сословию, она ожидает от него определенного поведения и определенных действий. Согласно поведенческим нормам аристократии XIX века подобное ухаживание за девушкой дворянского сословия, тем более такое настойчивое и дерзкое (рассмотрим данную тенденцию немного позже), предполагает женитьбу мужчины на девушке. Печорин, однако, намерений жениться не имеет, и ведет себя, с точки зрения Мери, довольно странно. Печорин не просит ее руки, он не признается ей в своих чувствах, но одновременно действует так, как это обычно делал бы мужчина, имеющий серьезные намерения.

Вернемся к подробностям ухаживания Печорина за Мери. Как было уже отмечено, с самого начала знакомства героев повести, Печорин пытается заставить Мери полюбить себя. Делает он это с помощью разных приемов: он говорит с Мери о любви, он пытается пробудить в ней жалость к себе, он хочет предстать перед ней героем, рассказывая разнообразные истории из своей жизни. Печорин также дает Мери понять, что она ему очень нравится, хотя это является неправдой. Помимо всего этого, Печорин пытается покорить Мери, используя довольно дерзкие жесты: он целует ей руку, целует и в щеку, он обнимает ее за талию и т.д. Таким образом, Печорин ведет себя настойчиво, давая Мери понять, что имеет к ней чувства. Здесь мы и видим столкновение законов двух разных семиотических образований. Мери понимает поведение Печорина, как желание жениться на ней. Согласно правилам семиотики повседневности, именно так он и должен поступить. Однако, как мы видим из отрывка выше, Печорин относится с безразличием к признаниям Мери в любви. Он поступает против всех норм аристократического общества, т.е. семиотики повседневности.

Мы хотим представить еще один эпизод, который наглядно раскрывает перед нами столкновение двух семиотических образований и их законов. Так как Печорин настойчиво ухаживает за Мери, и делает это, в конце концов, довольно открыто, по водяному обществу проходят слухи о романе Мери и Печорина. В рамках поведенческих норм аристократии, это портит репутацию княжны. Причиной всему этому является поведение Печорина, ведь он заводит с княжной роман, но не имеет намерений на ней жениться. Итак, здесь идет речь о концепции чести, являющейся одной из самых важных аспектов моральных устоев и поведенческих норм дворянского сословия. В подобной ситуации правильным и логичным шагом для Печорина была бы женитьба на Мери. Следующий разговор между Печориным и

его приятелем доктором Вернером, хорошо показывает столкновение двух семиотических норм:

- Так вы не женитесь?..
- Доктор, доктор! Посмотрите на меня: неужели я похож на жениха, или на что-нибудь подобное?
- Я этого не говорю... Но вы знаете, есть случаи... – прибавил он, хитро улыбаясь, – в которых благородный человек обязан жениться, и есть маменьки, которые по крайней мере не предупреждают этих случаев. (Лермонтов 2010: 619-620)

Данный отрывок из текста хорошо демонстрирует ожидания дворянского общества от Печорина – раз его действия привели к слухам и сплетням о романе с Мери, он обязан поступить благородно, и жениться на княжне. Несмотря на это, Печорин не считает необходимым вести себя согласно логике коллективной идентичности, связанной с семиотикой повседневности. Он разрушает поведенческие нормы, присущие дворянскому классу. Мать Мери, княгиня Лиговская, пытается сохранить честь своей дочери, прося Печорина жениться на ней.

- Послушайте, мсье Печорин! Я думаю, что вы благородный человек. Я поклонился.
- Я даже в этом уверена, – продолжала она, – хотя ваше поведение несколько сомнительно; но у вас могут быть причины, которых я не знаю, и их-то вы должны теперь мне поверить. Вы защитили мою дочь от клеветы, стрелялись за нее, – следственно, рисковали жизнью... [---] Она мне все сказала... я думаю, все: вы изъяснились ей в любви... она вам призналась в своей (тут княгиня тяжело вздохнула). Но она больна, и я уверена, что это не простая болезнь! Печаль тайная ее убивает: она не признается, но я уверена, что вы этому причиной... Послушайте: вы, может быть думаете, что я ищу чинов, огромного богатства, – разувьрьтесь! я хочу только счастья дочери. Ваше теперешнее положение незавидно, но оно может поправиться: вы имеете состояние; вас любит дочь моя, она воспитана так, что составит счастье мужа, – я богата, она у меня одна... Говорите, что вас удерживает?.. Видите, я не должна бы была вам всего этого говорить, но я полагаюсь на ваше сердце, на вашу честь; вспомните: у меня одна дочь... одна... Она заплакала. (Лермонтов 2010: 648-649)

Из вышеприведенного эпизода становится явным, что женитьба на Мери является тем поведением, которое было бы правильным со стороны Печорина, так как семиотика повседневности описывает его личность как коллективную. Княгиня Лиговская надеется, что

Печорин поступит согласно нормам дворянства, и женится на Мери, спасая ее, таким образом, от клеветы. Княгиня, как мы видим, тоже находится в недоумении, так как Печорин ведет себя против правил аристократии.

Итак, в повести «Княжна Мери» мы видим столкновение двух семиотических построений: семиотики пространства и курортной семиотики. Здесь идет речь о кодификации языка курортной семиотики, что приводит к противоречию между поведенческими нормами, свойственными семиотики повседневности и идеологии Печорина: «использовать и бросить». Печорин позволяет себе играть в любовные игры с Мери без намерений жениться на ней, что, естественно, противоречит правилам дворянства.

6. Анализ повести «Мимочка на водах»

Целью данной главы является рассмотреть, каким образом курортное пространство представлено в повести «Мимочка на водах». Нас интересуют основообразующие аспекты курортного пространства.

6.1. Изменения в этике и морали

Как мы уже отметили в теоретической части данного исследования, согласно Виктору Тернеру, главной составной частью лиминального пространства является антиструктурность, т.е. отсутствие иерархии и системы статусов. Тернер отмечает, что обыкновенное современное общество является структурным, состоит из системы статусов и яркой иерархии. Таким образом, каждое лицо играет свою роль в обществе, и должно вести себя соответственно. Исследователь пишет, что попадая в лиминальное пространство, лицо временно теряет свой статус и его характеристику. Это означает, что «непринадлежность» индивида к какому-либо определенному звену или классу освобождает его от норм и правил, которые он должен соблюдать в обыкновенном пространстве. Таким образом, лицо как будто бы освобождается от обязанностей и ограничивающих его правил, и, само решает, как оно хочет себя вести.

С нашей точки зрения, данное свойство категории лиминальности хорошо описывает ситуацию и перемены в поведении лиц, приезжающих на курорт. Здесь речь идет об утрате своего прежнего статуса, что приводит к изменениям в поведении и к саморефлексии, переосмыслению себя. В данном разделе мы рассмотрим эти тенденции на примере главной героини повести, Мимочки. При анализе повести «Мимочка на водах» мы отметили, что, мышление и поведение главной героини произведения меняются во время повести, и в какой-то момент она пересекает некую невидимую границу, что приводит ее к роману с незнакомым мужчиной. Рассмотрим же более подробно, о каких изменениях идет речь.

Главная героиня выбранной нами повести, Мимочка, является аристократкой. В рамках исторической эпохи, принадлежность к дворянскому классу обозначала обязанность следовать огромному количеству правил и норм. Принадлежность к дворянству определяла образ жизни, в котором правила поведения, принципы чести, образ мышления и даже все маленькие детали, впредь до покроя одежды и стиля прически, строго диктовались обществом. Ограничения и правила того или иного класса, в данном случае дворянства, имели особое влияние на жизнь женщин. Можно сказать, что женщины не осмыслились как отдельные и самостоятельные личности, а составляли лишь часть личности своего супруга.

Для них было отведено особое место в обществе, и их роль воплощалась в материнстве и в роли жены. Девушки дворянского класса были воспитаны в манере, которая оставляла им лишь один вариант и одно желание – выйти замуж. Общество ожидало от девушки дворянского класса определенного поведения и определенных действий. Она должна была выйти замуж за статусного и «правильного» человека. Она должна была быть хорошей женой и матерью. Она ни в коем случае не должна была потерять свое лицо, что означает, что она обязана жить так, как ей положено, так как говорит общество. Мы считаем необходимым подчеркнуть, что данная сеть определенных правил поведения и мышления, этики, морали, а также представления о роли человека в обществе не оставляли места для какого-либо самовыявления. Поведение и мышление индивида, в данном случае девушки дворянского класса, всегда определялось обществом, а не самим индивидом.

Итак, как мы уже отметили ранее, Мимочка является замужней женщиной, поведение которой строго продиктовано обществом. Она живет правильной дворянской жизнью, у нее есть муж и ребенок, все как положено для девушки ее сословия. Она привыкла вести себя правильно, отчего ее жизнь и кажется ей пустой, бессмысленной и грустной. Она все-таки как будто бы смирилась со своей жизнью. Хотя у нее часто появляются мысли о том, что ей совсем неинтересно жить и что ей надоела правильная жизнь, данное сопротивление никаким образом не влияет на ее поведение. Она живет именно так, как ей положено. Все-таки, уже до прибытия на курорт мышление Мимочки начинает изменяться.

Во время путешествия в Железноводск, при пересадке в Ростове, Мимочкино внимание привлекает некий молодой человек. Он очень элегантен, что и заинтересовывает Мимочку, любительницу изящных и модных нарядов. Кроме этого, его поведение производит впечатление на Мимочку; его манеры говорят о том, что он человек из общества. Этот молодой человек, как кажется Мимочке, равен ей:

Мимочке казалось, что что-то сближает ее с этим молодым человеком, - вероятно, общий стол, накрытый общей скатертью, на которой стояла тарелка с хлебом и графином с водой, тоже общие для обоих, или же то, что они оба так красивы, молоды, элегантны и так непохожи на окружающих их захолустных помещиков и растрепанных, измятых провинциалок с папиросками в зубах. (Веселитская 1891).

Мимочка ловит себя на мысли, что ей становится очень весело от присутствия данного кавалера. По пути на Кавказ, в поезде, Мимочка переглядывается с незнакомцем, что уже противоречит тем поведенческим нормам, которые были для нее обязательными

дома. Хотя Мимочка пытается убедить себя в том, что в рассматривании интересного незнакомца нет ничего неправильного, ее начинают одолевать сомнения, так как она ведет себя неправильно. Итак, уже на данной стадии мы видим колебание Мимочки. С одной стороны, ей нравится, что незнакомец обращает на нее внимание, с другой стороны, ее мучает совесть, так как она знает, что переглядывания с ним являются поведением, которого она не должна себе позволять. Уже здесь мы видим, что перемещение в другое семиотическое пространство имеет влияние на мышление и поведение главной героини. Мимочку охватывает неуверенность.

После прибытия на курорт, Мимочка начинает настоящую борьбу со своей совестью. Оказывается, что незнакомец, который так заинтриговал Мимочку, тоже приехал в Железноводск лечиться и отдыхать. Она видит Валерьяна Николаевича повсюду: на танцах, во время прогулок, на музыке, и не хочет признаваться себе в том, что очень заинтересована в этом мужчине и даже думает о нем в романтическом смысле. На протяжении всей повести Мимочка пытается убедить себя в том, что, так как она порядочная девушка и замужем, ничего неправильного она никогда бы не сделала, и что роман ее не интересует:

У нее не было романа, о, нет! 'Сердце ли в ней билось через-чур спокойно, иль кругом все было страсти недостойно?' Ни то, ни другое. Просто, она была слишком хорошо воспитана для какого-нибудь уклонения с пути долга. И хотя вокруг нее, на ее глазах, пары встречались, улыбались, флиртовали, хотя ее окружала атмосфера влюбленности, - Мимочка была совершенно холодна и спокойна. Что ей эти просвири? Что ей до букашек, до кузнечиков, которые копошатся и ползают в траве под лучами солнца? Они живут, как хотят: она живет, как она "должна" жить.

И, гордая сознанием своей безупречности, своей недоступности, Мимочка, молоденькая, свеженькая, хорошенькая, легко и грациозно похаживала по аллеям, не обращая ни малейшего внимания на одобрительные и жаркие взгляды, которыми ее встречали и провожали, ни на встречи с ним, с l'homme au chien (а как он еще похорошел!). (Веселитская 1891).

Интересным здесь является фактор неуверенности. С одной стороны, Мимочка дает себе свободу думать о Валерьяне Николаевиче, с другой стороны, она сразу же себя осуждает за подобные мысли. Явным является то, что Мимочка не знает, что она должна думать, и как она должна себя вести в новом, незнакомом для нее семиотическом пространстве. Здесь мы считаем необходимым вернуться к идеям Лотмана о переводе и кодификации других семиотических образований, языков, текстов и т.д. Мы считаем, что в мышлении и поведении Мимочки речь идет именно о том, что она не знает, каким образом перевести поведение, присущее новому для нее, курортному пространству, на свой язык, на

язык своего семиотического пространства. Трудность кодификации и приводит ее к колебанию, внутренней борьбе и противоречиям. На данной стадии выходом для Мимочки становится убеждение себя в адекватности собственных мыслей и поведения. Хотя ее мучает совесть, она пытается доказать себе, что ничего неправильного она не сделала.

Колебания и неуверенность все-таки мучают Мимочку все время. Мы видим, что в ней происходит перемена, что ее «Я» изменяется в ходе этого процесса. Именно о подобных тенденциях писал и Виктор Тернер в своих работах о лиминальном пространстве. Само лиминальное пространство является переходным, пороговым, как и в данном случае, когда речь идет о курортном пространстве. Как было уже указано в теоретической части данного исследования, согласно Тернеру индивид и его мышление подвергаются изменениям на лиминальной стадии, что мы и видим, рассматривая поведение и мысли Мимочки в исследуемой нами повести. После знакомства с Валерьяном Николаевичем Мимочка признается себе в том, что ей с ним хорошо, и одновременно, успокаивает себя, убеждая себя в том, что их знакомство произошло порядочно, и что это – всего лишь дружба:

Как он хорошо говорит, и умно, и свободно!.. Она никого не знает, кто бы так хорошо говорил. И как просто и хорошо она себя с ним чувствует! Какой он хороший человек! И как все вышло удачно. Они познакомились так прилично. Она не искала его знакомства, не уронила своего женского достоинства... Все случилось само собой. Жаль, что тогда в дороге они переглядывались. Было бы еще лучше, если бы и этого не было. Но это пустяки, и он очевидно позабыл об этом... О, он такой порядочный человек! Он никогда себе ничего не позволит; положим, и она не допустит. (Веселитская 1891).

Чем дольше Мимочка находится на курорте, тем больше она позволяет себе думать о Валерьяне Николаевиче. Ее мысли превращаются из невинных во все более позволяющие. Изменяется также и ее поведение; если раньше она считала неправильным даже переглядываться со своим новым знакомым, то в течение развития действий, она начинает флиртовать с ним, говорить с ним о любви, одеваться красиво специально для него. Мимочка и Валерьян Николаевич начинают проводить вместе очень много времени. В какой-то момент героиня даже позволяет себе мечтать о романе с Валерьяном Николаевичем:

Будь она свободна - может быть, она полюбила бы его иначе. Конечно, зная его, она не выбрала бы другого... Но она не свободна, и любит его только как друга. Это так хорошо, такая дружба!..

И в темноте Мимочка открывала глаза и представляла себе свой роман в будущем. Она ему нравится. Понемногу он увлечется ею, полюбит ее, полюбит настолько, что поедет за ней в Петербург. И он будет страдать от ее

жестокости, бедный! милый! -- все будет страдать и, наконец, объяснится. И она сама будет страдать, вот скажет ему: "И я вас люблю, давно люблю, но долг и мои обязанности... Мы должны расстаться". И они расстанутся, бедные!.. Как они будут страдать. Но что-ж, когда нельзя иначе... (Веселитская 1891).

На следующей стадии внутренней борьбы Мимочка уже осознает, что влюблена в Валерьяна Николаевича. Интересным является также то, что теперь она даже не считает это непорядочным. Уже здесь мы видим особый переход, резкое изменение в мышлении героини. Она как будто бы сдаётся, её внутреннее «Я» изменяется и даёт ей разрешение мыслить более дерзко и совершать такие поступки, которые ещё при прибытии на Кавказ она считала неподходящими для замужней женщины. Переломным моментом, или кульминацией в изменении моральных принципов главной героини является поездка Мимочки и Валерьяна Николаевича в горы. Эта поездка становится началом их романа. В данном случае о принятии законов семиотического курортного пространства мы можем говорить и потому, что даже после событий в горах, Мимочку не мучает совесть:

Как это случилось? Она не чувствовала ни раскаяния, ни стыда. Она чувствовала себя только счастливой и спокойной. Это - падение, это - страшный шаг, пятно, которое не смывается, это - грех, думала она, а как легко ей было совершить его! *Maintenant, c'est fini, elle est une femme perdue!* А муж?!.. Но не надо, не надо об этом думать, лучше думать о нём: Валь! Валь!.. И Мимочка заснула крепко и безмятежно, как спят счастливые люди с чистой и спокойной совестью. (Веселитская 1891).

Из примера выше является очевидным, что происходит некое «падение» (именно так сама Мимочка называет роман с Валерьяном Николаевичем). Мимочка разрушает те поведенческие нормы, которые являются обязательными для неё в знакомой ей семиотике, дома в Петербурге. Интересным здесь является то, что, хотя Мимочка прекрасно понимает, что ведёт себя против правил и моральных устоев аристократии, это ей безразлично.

Итак, в настоящем разделе мы рассмотрели процесс изменений, происходящих в «Я» индивида, а также то, каким образом данный процесс приводит к изменениям в мышлении и поведении индивида. На основе примеров, приведенных в данной главе, мы считаем обоснованным отметить, что курортное пространство имеет сходства как с лиминальным пространством Тернера, так и с концепцией семиосферы Юрия Лотмана.

Для нас является интересным тот факт, что попадание Мимочки в новое для неё семиотическое пространство приводит к тому, что она принимает законы курорта и ведёт себя совершенно по-другому, чем в своём повседневном пространстве. В следующем разделе

мы хотим рассмотреть, почему курортное пространство влияет таким образом на поведение индивида.

6.2. Водяное общество как основа курортного пространства

Прибывая на курорт, Мимочка перемещается в совершенно другое семиотическое пространство, которое имеет свои законы. Речь идет о том, что общество курортного семиотического пространства, которое мы называем водяным обществом, сильно отличается от общества, к которому Мимочка привыкла в своем повседневном пространстве. Дома, в Санкт-Петербурге, общество диктует правила и поведенческие нормы, осуждает каждого за все неправильные действия. Водяное общество, наоборот, является более свободным, многое разрешает и позволяет.

Мы считаем, что данные тенденции связаны с тем, что водяное общество можно вполне обоснованно считать так называемым обществом-коммунитас, о котором писал Тернер в своей теории лиминальности. Так как коммунитас характеризуется отсутствием иерархии и равенством индивидов, это приводит к такой атмосфере и к такому построению пространства, которые многое позволяют. Самым главным здесь является то, что курорт, как мы считаем, дает всем равные возможности, независимо от ранга, пола и т.д. Рассмотрим более подробно, что привело нас к данным заключениям.

Как мы уже отметили выше, прибывая на курорт, приезжие становятся членами водяного общества. О единстве курортного общества и о замкнутости курортного района говорит уже само местоположение курорта. В настоящей повести героиня Мимочка отправляется на курорт на Кавказ, сначала в Железноводск, а затем в Кисловодск. Этот курорт находится далеко от места жительства Мимочки, от Санкт-Петербурга. Для того, чтобы попасть на курорт, ехать приходится долго, на поезде с пересадкой. Но кавказский курорт находится далеко не только физически, а что самое главное - он далеко ментально. Ведь на Кавказе живет совсем другой народ, Кавказ - это почти как другая страна. Это не серый и скучный город, а зеленое местечко с полями, рощами, горами. Это совсем не то, к чему Мимочка и ее попутчики привыкли. В повести Кавказ именуют, например, «где-то там», что и говорит о курорте, как о замкнутом, особом месте.

Итак, после своего приезда на курорт, Мимочка и ее попутчики; мама, девушка-родственница Вава, а также горничная Катя, становятся членами водяного общества. Действия повести происходят в закрытом курортном городке. На курорте находятся лишь

отдыхающие, а также те, кто работает на курорте. Все приезжие равны между собой – они пациенты, которые приехали на курорт лечиться и отдыхать.

О принадлежности индивида к особой группе людей, в данном случае к водяному обществу, гласит и то, что для всех членов курортного пространства создан общий режим, который каждый выполняет. Для всех пациентов и отдыхающих на курорте составлен одинаковый график: строго определено, во сколько принято завтракать, в какой час необходимо принимать полезные ванны, когда пациенты должны дышать свежим воздухом на прогулках и в какое время им положено принимать минеральные воды. Похожий режим повторяется каждый день для каждого приезжего. Именно данный факт делает из отдыхающих группу равных друг другу индивидов, которые находятся в пространстве, которое как будто бы стирает все иерархические построения и систему статусов. Так как каждое лицо приехало для отдыха и лечения, и соблюдает специфический, одинаковый для всех режим, это ставит их всех на один уровень. Они находятся в лиминальном пространстве, которое делает индивидов равными друг другу.

При анализе повести «Мимочка на водах» нами было отмечено, что в курортном пространстве атмосфера правил, обязанностей и специфических поведенческих норм, существующих в обыкновенном обществе XIX века, отсутствует. В данном лиминальном пространстве происходят большие изменения в отношениях между индивидами, так как иерархия утрачена, и системы статусов не существует. Особенно это заметно в том, как отдыхающие ведут себя на курорте. Там присутствует атмосфера, которая многое разрешает и дает свободу. На курорте разрешено заводить роман, это даже скорее правило, чем исключение. Курортное пространство полно флирта, любовных отношений и т.д., и все это является адекватным поведением. Рассмотрим данное явление более подробно с помощью некоторых примеров.

Кисловодск готовился к сезону. А пока на остальных группах завязывались и развязывались романы, которым суждено было развязаться в Кисловодске. Скучающие вдовы, разведенные жены, жены неудовлетворенные, легкомысленные и ветреные, сентиментальные старые девы, засидевшиеся невесты, - все это копошилось у Железных источников и, почерпая в них жизнь и отвагу, закидывало направо и налево крючки и сети. И рыбка, крупная и мелкая, клевала и запутывалась. (Веселитская 1891).

Приведенный выше пример показывает, что заведение романов на курорте является всеобщим занятием. Романы заводят практически все, замужние и незамужние женщины и девушки. Здесь мы видим резкое различие между повседневным семиотическим

пространством Мимочки и семиотикой курорта. Как писал Лотман, одной из специфических черт семиосферы является то, что разные семиотические построения имеют разные нормы и правила. То, что запрещено в повседневном пространстве аристократии, разрешено в семиотике курорта. Из приведенного выше отрывка мы видим, насколько обычным является заведение романов на курорте. С одной стороны, в отрывке из повести описываются девушки и женщины, которые своим поведением и своей внешностью стараются заинтересовать представителей мужского пола. С другой стороны, в примере говорится о том, что «рыбка клевала и запутывалась», т.е. старания женщин приводили к желаемым результатам. Таким образом, поведенческие нормы в курортном пространстве не подчиняются поведенческим нормам и этике, которые присущи другому семиотическому пространству, повседневности представителей дворянского класса.

При анализе повести «Мимочка на водах», нами было отмечено, что социальные отношения между индивидами на курорте являются одним из самых важных элементов, на основе которых построено курортное пространство. Знакомства с новыми людьми, а также времяпрепровождение в светском обществе являются неотъемлемой составной курортного пространства. Важность социальных и общественных аспектов пространства подчеркивала и географ-исследователь Дорин Масси. Она считает, что категорию пространства надо рассматривать как что-то, созданное из общественных отношений и взаимодействия между индивидами общества. Исследовательница подчеркивает, что пространство социально по своей природе. Согласно ей, пространство можно описать, как сплетенную из общественных отношений сеть. Из этого всего выходит, что человек сам создает пространство. (Massey 2008).

Итак, мы считаем, что именно само водяное общество, а также отношения между членами данного общества являются основой семиотического пространства курорта. Именно поведение и поступки данных людей определяют то, каким семиотическим пространством является курорт. Таким образом, мы получаем замкнутое кольцо: многое позволяющая атмосфера курортного пространства как будто бы разрешает водяному обществу вести себя раскрепощенно, и именно ведя себя так, общество само создает так называемые нормы.

Как было уже неоднократно подчеркнуто, приезд Мимочки на курорт имеет огромное влияние на ее мышление и поведение. Здесь мы можем говорить о концепции *tabula rasa*, пустого холста, присущей теории лиминальности. Так как перемещение индивида в лиминальное пространство "смывает" с него все признаки его повседневной семиотики, попадая в новое семиотическое пространство, индивид превращается в некий "сырой

материал”, который подлежит обработке. Если говорить о главной героине повести, Мимочке, то мы можем отметить, что ее внутренний мир трансформируется именно под влиянием водяного общества. Общество ее трансформирует. В повести встречается большое количество эпизодов, которые наглядно демонстрируют роль водяного общества в трансформации мышления и поведенческих норм индивида, в данном случае Мимочки. Рассмотрим наиболее интересные примеры.

В повести «Мимочка на водах» неоднократно подчеркивается то, что важной составной курортного пространства являются романы. Данные тенденции и роль этих занятий для водяного общества не остаются незамеченными Мимочкой. Главная героиня постоянно обращает внимание на любовную атмосферу курорта. Хотя Мимочка пытается убедить себя в том, что роман ее не интересует, в течение повести мы видим, как данная атмосфера влияет на героиню. В начале курортного сезона Мимочка только наблюдает, как другие заводят романы. Сама она, однако, считает, что, в связи со своим сословием, себе она не может позволить даже флирта, по крайней мере она пробует себя в этом убедить:

У нее не было романа, о, нет! «Сердце ли ее билось через чур спокойно, или кругом все было страсти недостойно?» Ни то, не другое. Просто, она была слишком хорошо воспитана для какого-нибудь уклонения с пути долга. И хотя вокруг нее, на ее глазах, пары встречались, улыбались, флиртowali, хотя ее окружала атмосфера влюбленности, - Мимочка была совершенно холодна и спокойна. Что ей эти просвирни? Что ей до букашек, до кузнечиков, которые копошатся и ползают в траве под лучами солнца? Они живут как хотят: она живет, как она «должна» жить. (Веселитская 1891).

Данный пример показывает нам, что Мимочка завидует тем, кто флиртует и заводит романы. Хотя героиня пытается доказать себе, что любовные отношения ее не интересуют, она с горечью отмечает, что другие живут как хотят, т.е. весело и беззаботно, а она живет так, как диктует общество: скучно и бессмысленно. Чем дольше Мимочка находится в семиотическом пространстве курорта, тем сильнее водяное общество влияет на ее поведение. В какой-то момент Мимочка перестает отказывать себе в любовной игре:

Мимочка беззаботно и весело флиртowała с Валерьяном Николаевичем.
(Веселитская 1891).

Помимо общей атмосферы курорта, которая подталкивает к романтическим отношениям, также Валерьян Николаевич, в котором Мимочка заинтересована, имеет сильное влияние на Мимочкино мышление, и, следовательно, на ее поведение. После их

знакомства Валерьян Николаевич начинает постоянно говорить о любви, заставляя Мимочку, таким образом, задумываться о любовных отношениях. Помимо этого, он часто цитирует писателей-романтиков, что оказывает на Мимочку особое влияние, так как она часто читает любовные романы. Так как в Мимочкиной жизни не хватает настоящей любви, она живет и чувствует любовные отношения с помощью романов.

Он говорил, что жизнь без любви скучна, как безводная пустыня, что женщина живет одной любовью, что вне ее она бьется как рыбка на песке, что женщины извращены, искажены нелепым воспитанием, что они добровольно налагают на себя цепи и оковы, под тяжестью которых потом изнемогают. И если бы сейчас сказать женщинам, что завтра конец мира, конец жизни, что рушится здание предрассудков и условных понятий, они сбросили бы маску, обнажили бы свои чувства, желания, заговорили бы живым, настоящим языком... Плотины бы прорвались... И стишок из Гейне, и стишок из Байрона... тут латинская цитата, там куплет из оперетки... (Веселитская 1891).

Мы считаем, что данные разговоры вводят Мимочку в заблуждение. Они заставляют Мимочку еще больше задумываться о том, какой пустой и нелепой ее жизнь является. Разговоры Валерьяна Николаевича заставляют Мимочку ставить под вопрос поведенческие нормы ее повседневного пространства и находить более подходящий для себя вариант среди поведенческих норм, присущих водяному обществу.

Итак, как мы видим, представители водяного общества напрямую влияют на мышление и, следовательно, поведение Мимочки. При прибытии на курорт Мимочка оказывается в незнакомом для нее семиотическом образовании. Так как в своей повседневной семиотике Мимочка привыкла к тому, что правила ее поведения полностью диктуются обществом, и для самовыявления нет возможности, она не уверена в том, как она должна или может вести себя в курортном пространстве. Здесь она и опирается на поведенческие нормы водяного общества, которые она постепенно перенимает. Мы приходим к выводу, что водяное общество и взаимоотношения между индивидами данного общества являются основополагающим аспектом структуры курортного пространства. Таким образом, Мимочка принимает законы данной семиотики курортного пространства. В следующем разделе нашей целью является проанализировать, какое значение имеет отказ от поведенческих норм своего повседневного пространства для Мимочки.

6.3. Иллюзия свободы и индивидуализма

Из анализа, проведенного в предыдущих главах, становится очевидным, что жизнь водяного общества является довольно беззаботной и веселой. С нашей точки зрения, в повести «Мимочка на водах» курортное пространство представлено в виде яркого, веселого и иллюзорного пространства, которое сильно отличается от повседневности. Данное пространство предстает перед нами как усовершенствованная версия повседневного пространства индивидов, т.е. того пространства, которое индивиды покинули, когда пересекли границу курортного пространства. Для главной героини повести, Мимочки, курорт является возможностью забыть про свое повседневное пространство, про реальность, про свою скучную, бессмысленную семейную жизнь.

В начале повести Веселитская подробно описывает то, насколько плохо Мимочке живется. Многие психические, ментальные волнения главной героини передаются с помощью физических симптомов. В повести часто используются следующие глаголы и словосочетания при описании поведения и самочувствия Мимочки: *Мимочка скучает, бледнеет, худеет, дурнеет, ничего не делает, Мимочка потеряла аппетит к жизни, ей овладела апатия*. Подобные описания самочувствия, хоть, с одной стороны, и ироничны, но все-таки, хорошо описывают отношение Мимочки к своей судьбе, которая является predetermined, как и у всех других женщин эпохи.

Является явным то, что Мимочка не согласна с ролью, которую общество ей предписало. Мимочка жаждет свободы выбора. Курортное пространство предлагает Мимочке возможность отказаться от поведенческих норм ее повседневного пространства. Как было уже указано выше, статус дворянской женщины в обществе определялся статусом ее мужа; таким образом, здесь идет речь о так называемой коллективной личности, о которой писал Лотман в своих трудах о семиосфере. В данной ситуации происходит столкновение двух способов кодирования; аристократическое общество определяет Мимочку как групповую личность, но она сама считает себя автономной единицей. Итак, Мимочкино повседневное пространство описывает ее личность как коллективную, Мимочка является лишь частью личности своего мужа, Спиридона Ивановича:

Теперь это была уже не бедная невеста, которую тетушки не прочь были осадить и унижить при случае... Теперь это была генеральша, дивизионная командирша, жена почтенного и обеспеченного человека, дама со свежими туалетами из Парижа, с положением в свете. (Веселитская 1891).

Из примера выше мы видим, что отношение родственников Мимочки меняется в результате изменения статуса Мимочки. Родственницы не ценят Мимочку, но когда она выходит замуж за статусного человека, она сама начинает восприниматься другими как девушка из общества. Итак, между описанием личности, предписанным Мимочке правилами, и между ее желанием иметь самостоятельную личность, есть разногласие. Мимочка осознает себя автономной единицей, а обязана вести себя, как часть коллективной личности. Курортное семиотическое пространство пробуждает в Мимочке желание протестовать. Она хочет быть автономной единицей и во время своего пребывания на курорте стремится к индивидуализму. Она ощущает отличие курортного пространства от своего повседневного пространства.

Здесь мы видим сходство с некоторыми характеристиками семиотического пространства, семиосферы. Как писал Юрий Лотман, семиотическое пространство не может существовать само по себе. «Нашего» семиотического пространства не может быть без «их» семиотического пространства. Таким образом, курортное пространство получает свои признаки только в сравнении с другим семиотическим пространством, с повседневностью. Здесь мы имеем в виду то, что Мимочка ощущает разницу, усовершенствование курорта только потому, что она может сравнивать его с повседневным пространством, из которого она переместилась в новое, курортное пространство. Рассмотрим данные идеи на основе некоторых примеров.

Одним из наиболее ярких примеров являются мысли Мимочки о своей жизни в начале повести, во время ее пребывания в семиотике повседневности, и в середине и конце повести, когда Мимочка уже приняла нормы и законы курортной семиотики. Для того, чтобы рассмотреть данный пример более подробно, нам необходимо сравнить два отрывка из текста:

Да ей и жить-то не хочется... И лучшие годы ушли, ушли безвозвратно... Она уже старуха. Ей двадцать шесть лет. Да, конечно, это – старость... Она чувствует себя такой старой, старой, такой отжившей... (Веселитская 1891).

Она снова чувствует себя барышней, молодым и свободным существом. (Веселитская 1891).

Первый отрывок из повести показывает нам трагедию Мимочкиной судьбы. Здесь мы видим, что Мимочка сдалась, ее жизнь является настолько бессмысленной и ужасной, что главной героине даже не хочется жить. Она считает себя старухой, жизнь которой закончилась, хотя ей всего лишь двадцать шесть лет. Мимочка считает, что ей совершенно

нечего ожидать от своей жизни. Она достигла все, что обязана достичь – она вышла замуж за приличного человека, и родила ему ребенка. Большого от нее общество и не ожидает, она достигла того, что ей положено как аристократке. Во втором отрывке самоощущение Мимочки совершенно изменяется – теперь она чувствует себя молоденькой и красивой. В данных отрывках мы видим резкое противопоставление «старуха – молодое существо».

Это противопоставление хорошо показывает то, каким образом Мимочка воспринимает курортное пространство, и, каким оно предстает перед ней по сравнению с ее повседневным пространством. Итак, на курорте Мимочка чувствует себя свободной и считает, что у нее есть свобода выбора. Героиня повести явно считает курорт пространством, которое не ограничивает поведение индивида. В связи с этим, Мимочка дает себе разрешение вести себя так, как ей хочется; так, как ей подсказывают ее чувства, а не разум. Таким образом, курорт является для приезжих семиотическим пространством, которое компенсирует повседневность, и дает водяному обществу возможность разрушать моральные устои и поведенческие нормы их повседневной семиотики.

Остановимся на интересном аспекте иллюзии свободы. Интересным является то, что герои повести, в том числе и Мимочка, ощущают чувство свободы. Им кажется, что курортное пространство дает им разрешение вести себя против норм их повседневного пространства. Мы все-таки считаем, что ощущение свободы и остается только ощущением, а настоящей свободы герои не приобретают. С нашей точки зрения, свобода является одним из воображаемых элементов курортного пространства. Пересечение границы пространства и перемещение из одного семиотического пространства в другое, на самом деле, не дает героям разрешения вести себя, так как они хотят – это дает им только повод. А осуществляют они себя и исполняют все свои желания лишь потому, что им так хочется. Помимо этого, им кажется, что на водах не существует запретов. Таким образом, приезжие сами создают из курорта пространство, которое как будто бы дает им полную свободу.

При рассмотрении данных тенденций на примере Мимочки, становится явным то, что пробыв некоторое время в семиотике курорта, Мимочка совершает некую кодификацию курортного образования, перевод на язык своей повседневной семиотики, и для нее этот перевод предстает в виде свободы. Данная свобода означает для главной героини возможность отказаться от поведенческих норм, присущих ее дворянскому сословию, и вести себя так, как она хочет. Одним из более наглядных примеров иллюзии свободы является роман Мимочки с Валерьяном Николаевичем. После их знакомства их отношения начинают изменяться, превращаясь из дружеских во все более романтические. Мимочка

считает, что это все происходит по ее желанию, потому, что у нее есть свобода выбора, и она выбрала роман с Валерьяном Николаевичем. Мы, однако, считаем, что здесь идет речь о свободе, которая является лишь иллюзией. На самом деле, своим поведением и своими разговорами Валерьян Николаевич *заставляет* Мимочку сделать данный выбор. В повести неоднократно подчеркивается влияние Валерьяна Николаевича на мышление и поведение Мимочки. Все это он делает сознательно и целеустремленно. Рассмотрим один эпизод.

Валерьян Николаевич молча наслаждался ее волнением, ее смущением. Пропуск... Развязку он предполагал в Кисловодске, а вчерашним вечером, по программе его, должна была последовать предварительная поездка en tête-à-tête для того, чтобы приручить Мимочку и успокоить ее тревогу, так как он видел, что она все-таки настороже... И вдруг она не поехала. Скажите! Так вот мы как!... Хорошо! Теперь надо наказать ее за это и заставить ее попросить его приехать в Кисловодск. (Веселитская 1891).

Итак, как мы видим, В. Николаевич пытается заставить Мимочку действовать согласно своему желанию. Именно так и получается: Мимочка действительно судит себя за свое поведение, которым, как она считает, она обидела и рассердила Валерьяна Николаевича:

Рассердился он за то, что Мимочка не захотела вчера ехать с ним вдвоем верхом и сказала ему, что это «неловко»! О, какая она дура, какая дура! Теперь она рада была бы отдать полжизни, чтобы вернуть это слово. Пропуск... И что он теперь о ней думает? Боже мой, что же ей теперь делать, как поправить это? Теперь они расстанутся холодно и враждебно, и если он о ней и вспомнит когда-нибудь, тот только как о дуре и идиотке. Но нет, это невозможно; неужели они так и расстанутся? (Веселитская 1891).

Из анализа повести «Мимочка на водах», следует, что в ней курорт представлен как пространство, которое тестирует ценности и мораль индивида. Данная семиотика создает иллюзию свободы выбора, иллюзию индивидуализма. В конце концов, речь идет о том, что индивид, в данном случае Мимочка, позволяет себе. Она находится в другом семиотическом пространстве, с которым она не знакома. Для нее составляет проблему сделать необходимую кодификацию, чтобы перевести нормы курортного пространства на свой язык, на язык своего светского, дворянского общества. В результате Мимочка принимает законы и поведенческие нормы семиотики курорта, так как это дает ей возможность повести себя эгоистично, насладиться новыми чувствами, почувствовать себя красивой и молодой.

7. Выводы

В двух предыдущих главах нами были рассмотрены повести «Княжна Мери» и «Мимочка на водах» с целью изучения специфики курортного пространства. Нашей целью являлось рассмотреть, на основе каких элементов курортное пространство XIX века построено. Очевидным оказывается то, что курортное пространство воспринимается в данных повестях по-разному. Подведем итоги анализа.

При анализе повести «Княжна Мери» нами было отмечено, что специфику курортного пространства здесь составляют три важных аспекта. Первым элементом построения курортного пространства в повести Лермонтова является то, что при попадании в семиотическое образование курорта, в мышлении и поведении индивида происходят изменения. Индивид проходит некий процесс переосмысления себя, что приводит к разрушению поведенческих норм, присущих повседневной семиотике индивида. Вторым важным аспектом являются иерархические отношения на оси мужчина-женщина. Основополагающим элементом являются сложные, многогранные отношения доминирования и подчинения. Следовательно, общество само создает пространство. Третьим аспектом является столкновение двух разных семиотик и их языков. Курортное пространство представляется в виде семиотического образования, где индивид находится в оппозиции к правилам своей повседневной семиотики. В результате, индивид пытается отказаться от коллективной личности, что приводит к разрушению норм. Подводя итоги, мы хотим отметить, что в повести «Княжна Мери» курортное пространство является иерархичным семиотическим образованием, которое дает главному герою Печорину возможность самовыявления. Курорт является для Печорина неким игровым полем, где он может экспериментировать над женщинами.

Во второй повести, «Мимочка на водах», курортное пространство предстает перед нами в совершенно другой форме. Для Мимочки курорт является, прежде всего, пространством самовыражения. Это – пространство, где она может оставить свои обязанности, не обращать внимания на нормы, а поставить себя на первое место, и пожить так, как ей самой хочется.

Первым элементом построения курортного пространства в повести «Мимочка на водах» является разрушение поведенческих норм повседневной семиотики индивидов. При приезде на курорт, индивиды перемещаются из знакомого им семиотического пространства в другое, незнакомое пространство. Здесь видна проблематика кодификации языка семиотики пространства: индивиды не знают, как они должны вести себя в курортном пространстве.

Итогом этого является «падение», т.е. индивид разрушает те поведенческие нормы, которые контролируют его поведение в повседневной семиотике. В мышлении и поведении индивида происходят изменения под влиянием незнакомого ему семиотического пространства. Данные тенденции приводят нас ко второму аспекту специфики курортного пространства. В связи с проблемами в кодификации языка курортной семиотики, индивиды начинают опираться на поведенческие нормы нового пространства, а точнее, на нормы водяного общества. Важным здесь является то, что водяное общество трансформирует главную героиню повести, Мимочку. Она постепенно перенимает законы и нормы курортной семиотики. Таким образом, специфика курортного пространства создается самим обществом. Третьим важным элементом специфики курортного пространства является компенсация повседневности. Семиотика курорта дает Мимочке возможность забыть про свою пустую, бессмысленную жизнь и насладиться. Мимочка считает, что курортное пространство освобождает ее от поведенческих норм дворянства и дает ей полную свободу. Нами было все-таки подчеркнуто, что свобода является одним из воображаемых элементов курортного пространства.

Итак, как нами было отмечено, в выбранных повестях доминируют разные элементы построения специфики курортного пространства. Данные различия, как мы считаем, связаны, в первую очередь, с жанрами, к которым настоящие повести относятся. «Мимочка на водах», являясь произведением, представляющим женскую прозу, делает акцент на женском вопросе, на предопределенности и трагедии судьбы девушки дворянского класса. Здесь курортное пространство играет важную роль в компенсации повседневности, в предоставлении возможности отказаться от поведенческих норм аристократии. Семиотика курорта показана в повести, как веселое, беззаботное, все позволяющее пространство, которое не ограничивает индивида. «Княжна Мери», наоборот, представляет курортное пространство, как что-то, построенное на основе иерархических, доминантных отношений между женщинами и мужчинами. Нарушение норм в данном пространстве является результатом желания главного героя повеселить себя любовными играми.

Итак, подводя итоги анализа, мы считаем, что курортное пространство можно назвать семиосферой, которая имеет свои законы и нормы. Свое значение данная семиотика получает только при сравнении с другим семиотическим образованием, повседневностью. Курорт является неким пороговым пространством, которое дает его посетителям возможность отказаться от поведенческих норм своей повседневной семиотики.

8. Заключение

Целью настоящего исследования являлось рассмотрение специфики курортного пространства на основе двух повестей, «Княжны Мери» Михаила Лермонтова и «Мимочки на водах» Лидии Веселитской. Для того, чтобы понять феномен курорта, в начале работы нами был сделан обзор культурно-исторических аспектов данного феномена.

В качестве метода нами была выбрана семиотика культуры, а точнее, труды Юрия Лотмана. Особое внимание нами было уделено концепции семиосферы, так как именно данная концепция давала нам хорошие возможности для анализа повестей. Нами также была рассмотрена специфика категории лиминальности. Обе категории представляют из себя интересное и многогранное семиотическое образование, которое дает ее посетителям возможность отказаться от обязывающих их норм.

Анализ повестей позволил нам сделать вывод, что курортное пространство является семиосферой, которая получает свое значение лишь при сравнении с другой семиотикой, повседневностью. Столкновение двух данных семиотик является неизбежным. Происходит это в связи с необходимостью кодификации языка семиотики пространства на язык повседневности индивидов. Данное столкновение семиотических образований приводит к разрушению поведенческих норм и изменениям в мышлении и поведении индивидов, находящихся в семиосфере курорта.

В данном исследовании нами было рассмотрено, на основе каких элементов построено курортное пространство XIX века. Как было уже отмечено, специфика семиотики курорта зависит от анализируемой повести. Мы считаем, что наша работа предоставляет хорошие возможности для дальнейшего исследования специфики курортного пространства. Интересной темой является, например, вопрос жанра – почему и как построение курортного пространства изменяется в зависимости от того, о каком жанре идет речь. Помимо этого, социальный аспект специфики курортного пространства оставляет многие вопросы, которые могут послужить основой для дальнейших исследований семиотики курорта.

9. Библиография

Первичные источники:

Веселитская, Л.И. 1891. *Мимочка на водах*. Библиотека Максима Мошкова. http://az.lib.ru/w/weselitskaja_l_i/

Лермонтов, М.Ю. 2010. Княжна Мери. *Герой нашего времени*. Русская классика. М.: Эксмо.

Вторичные источники:

Massey, Doreen 2008. *Samanaikainen tila*. Toim. M. Lehtonen, P. Rantanen ja J. Valkonen. Suom. J. Rovio. Vastapaino: Tampere.

McReynolds, Louise 2003. *Russia at Play: Leisure Activities at the End of the Tsarist Era*. Cornell University Press: Ithaca and London/New York?,

Rosenholm, Arja 1990. *Meitä oli paljon... Mimotska ottaa myrkkyä: Naisten kertomuksia 1800-luvun Venäjältä*. Toim. A. Rosenholm. SN-Kirjat: Helsinki.

Turner, Victor 1967. *The Forest of Symbols. Aspects of Ndembu Ritual*. Cornell University Press: Ithaca and London, p. 93-111

Turner, Victor W. 1969. *The Ritual Process. Structure and Anti-Structure*. Aldine Publishing Company: New York. Ninth printing, 1982

Журавлева, Л.Б. 2008. *Курортное дело с основами курортологии*. Сочинский государственный университет туризма и курортного дела/СГУТиКД: Сочи.

Лотман, Ю.М., Успенский, Б.А. 1971. О семиотическом механизме культуры. *Труды по знаковым системам V*. Учебные записки Тартуского государственного университета. Отв. редактор Ю.М. Лотман. Тартуский государственный университет: Тарту, стр. 144-166.

Лотман, Ю.М. 1992. *Том I. Статьи по семиотике и типологии культуры*. Избранные статьи в трех томах. Таллинн: «Александра».

Лотман, Ю.М. 1996. *Внутри мыслящих миров*. Москва: «Языки русской культуры».

Марченко, А.М. 1983. *Михаил Лермонтов. Жизнь и творчество*. Москва: Русский язык.

Почепцов, Г.Г. 2001. *Русская семиотика: идеи и методы, персоналии, история*. Образовательная библиотека. Б.м.: «Рефл-бук» и «Ваклер».

Топоров, В.Н. 1997. Пространство и текст. *Из работ московского семиотического круга*. Составитель Т.М. Николаева. М.: «Языки русской культуры», стр. 455-515 (1981 kirjaitettu).

Успенский, Б.А. 1987. К проблеме генезиса тартуско-московской семиотической школы. *Актуальные проблемы семиотики культуры. Труды по знаковым системам XX*. Учебные записки Тартуского государственного университета. Отв. редактор Ю.М. Лотман. Тартуский государственный университет: Тарту, стр. 18-29.

Словарные статьи:

Demidova, Ol'ga, Zirin, Mary 1994. Veselítskaia, Lídiia Ivánovna. *Dictionary of Russian Women Writers*. Ed. by M. Ledkovsky, C. Rosenthal and M. Zirin. Greenwood Press: Westport, p. 705-706.

Словари:

Большой академический словарь русского языка 2007. Том 8. Гл. ред. К.С. Горбачевич. Москва/Санкт-Петербург: Наука.

Толковый словарь живого великорусского языка 1914. Владимир Даль. Том второй. Санкт-Петербург/Москва: Издание Т-ва М.О. Вольф.

Материалы, опубликованные в Интернете:

Информационный сайт Лермонтов.info.

<http://www.lermontov.info/>

[Просмотрен 6.4.2012]

Благой, Д.Д. *Лермонтов и Пушкин (Проблема историко-литературной преемственности)*.

<http://lermontov.niv.ru/lermontov/kritika/blagoj/lermontov-i-pushkin.htm>

[Просмотрен 8.4.2012]

Ветитнев, А.М., Журавлева, Л.Б. 2006. *Курортное дело. Учебное пособие.*

<http://www.turbooks.ru/knigi/gostinichnoerestorannoe-khozjajstvo/472-kurortnoe-delo.html>.

[Просмотрен 2.2.2012]

Розанова, С.А. 1990. *Библиотека Виктора Дашкова.*

<http://dashkov.com.ua/>

[Просмотрен 6.4.2012]

Современный толковый словарь, изд. «Большая Советская Энциклопедия»

<http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-encycl-term-29603.htm>

[Просмотрен 6.4.2012]

Степанов, Е.Г. 2006. *Основы курортологии.*

http://www.fisfactor.ru/biblioteka/downloads/Stepanov_osnovi_kurortologii_2006.pdf

[Просмотрен 19.2.2012]

Трофимова, Е.И. 1997. *Проблема женственности в трилогии о Мимочке В. Микулич.*

<http://www.a-z.ru/women/texts/trofimova1r.htm>.

[Просмотрен 15.03.2014]